МОРАЛЬНЫЙ ИЗЪЯН

КНИГА ПЕРВАЯ

ИДЕАЛЬНАЯ КРАЖА

Р. К. ХОЛДЕН

Р. К. Холден

Идеальная кража

«Автор»
2026

Холден Р.

Идеальная кража / Р. Холден — «Автор», 2026

Четыре месяца назад судебный бухгалтер Дэниел Рурк взял полтора миллиона долларов наличными, которых не должно было существовать. Этой ночью он сам устроил так, чтобы их украли из его сейфа.В 4:52 приходит сообщение от женщины, которую он нанял: «Всё сделано». За четыре минуты до этого — её фотография: она привязана к стулу.К утру сейф пуст, в доме кровь, а детектив Нора Бек видит кражу со взломом, которая не складывается. Каждая ложь, которой Дэниел защищает себя, теперь бьёт по кому-то другому — а те, кто за ним наблюдает, ждали именно этого.ИДЕАЛЬНАЯ КРАЖА — мрачный психологический триллер о вине, контроле и правде, которую мы оставляем себе.

© Холден Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эпиграф 6
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 21
Глава 4 29
Глава 5 38
Глава 6 49
Глава 7 58
Глава 8 63
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Р. К. Холден
Идеальная кража

© Р. К. Холден, 2026
Все права защищены.

Это художественное произведение. Hale Group, «Хеликс» (Helix Behavioural Systems), Lattice Human Systems, «Серафин», Beckford Risk Archives, Calder Development, Calder Infrastructure, Redmont Engineering, Ridgeway Municipal Consulting, East River Holdings, клуб «Хэрроу» и Фонд Рена — вымышленные организации, не имеющие отношения к одноимённым или сходно названным реальным организациям. Реальные места используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реально существующими лицами или организациями случайно.

Эпиграф

Никогда не путайте понимание человека с обладанием человеком.
— Мириам Вейл
«Атлас человеческого поведения» (1958)

Глава 1

В 6:17 утра в субботу Дэниел Рурк стоял босиком у себя в кабинете и говорил полицейскому детективу, что из его дома украли полтора миллиона долларов.

Вслух фраза звучала иначе. Он репетировал её варианты ещё до рассвета, и каждый отодвигал событие чуть дальше от него самого. «Деньги пропали» было лучшим — деньги могут пропасть сами по себе. «Произошла кража со взломом» шло следом: у фразы появлялось подлежащее, и это был не он. «Кто-то вскрыл сейф» — уже хуже: так он признавал само существование сейфа.

Потом Нора Бек спросила, что именно пропало, и Дэниел услышал, как сам называет точную сумму. Один миллион пятьсот тысяч долларов. Не приблизительно.

Он понял, чего это ему стоило, ещё до того, как договорил. Дело было не в размере суммы. В точности. Точные суммы люди помнят лишь тогда, когда речь идёт о деньгах, которые они считают своими, и любой судебный бухгалтер усваивает это на первом году работы — обычно наблюдая, как очередной финансовый контролёр без запинки называет сумму, которую ему не полагалось знать наизусть. Дэниел построил на этой примете карьеру. И только что сам выдал себя тем же, босиком, у себя в кабинете, в шесть утра.

Сердце всё ещё колотилось после звонка в 911, и он сказал себе, что это кстати: человек, которого ограбили, обязан выглядеть напуганным. Мысль вызвала отвращение почти сразу. Он оценивал себя откуда-то со стороны собственного тела — босые ноги: убедительно; небритость: убедительно; голос сдержанный, но напряжённый, возможно, слишком сдержанный. Тридцать лет он решал, сходятся ли чужие истории с документами, а теперь проводил ту же проверку на себе — прямо сейчас и весьма неудачно.

Бек не говорила ничего, и понять, как он справляется, было невозможно.

В этом и была беда её молчания. Вопросы показали бы, куда она смотрит — «во сколько вы легли», «кто знал про сейф», «когда вы в последний раз видели наличные», — и каждый очертил бы форму её версии, словно сигналы металлоискателя помогают определить, где что-то зарыто. Молчание не давало ничего. Молчание было просто комнатой, в которой он находился.

Он посмотрел на открытый настенный сейф.

Пусто.

Четыре месяца закрытая стальная дверца вызывала физическую реакцию, которую Дэниел отказывался называть удовольствием. У него был для неё целый словарь. «Хранение». «Ответственность». «Улика в моём распоряжении». Теперь полки были пусты, и он чувствовал не облегчение и не страх, а нечто мельче и гораздо хуже.

Он скучал по этим деньгам.

По закону эти деньги никогда ему не принадлежали. Это ни разу не помешало ему привыкнуть ими обладать, и как бы ни называть их теперь — уликой, рычагом, краденым имуществом, — первой правдой этого утра было то, что Дэниел Рурк скучает по полутора миллионам долларов, которые ему не принадлежат. За это он ненавидел себя сильнее, чем за саму кражу, и это тоже кое-что говорило о нём.

Бек повернулась к нему, и он придал лицу нужное выражение прежде, чем успел себя остановить. Она увидела и это.

Он понял: самой трудной ложью сегодня будет не история про частного кредитора. Самым трудным будет изображать равнодушие к деньгам, которыми он четыре месяца настаивал не владеть.

Она стояла примерно в метре от сейфа и смотрела в пустой ящик так, как смотрят в холодильник, который уже проверили. Внизу патрульный открыл шкаф. Другой голос спросил, трогал ли кто-нибудь заднюю дверь. Дождь то усиливался, то стихал, тихо стуча по стёклам.

В доме стоял непривычный запах: сырости, старого кофе и ещё чего-то металлического. Дэниел не мог понять, пахло ли от повреждённого сейфа или от крови, и даже не знал, какой ответ предпочёл бы.

— Сколько? — снова спросила Бек.

Он сглотнул.

— Полтора миллиона.

— Примерно?

— Нет.

Это заставило её впервые посмотреть на него по-настоящему.

— Ровно один миллион пятьсот тысяч долларов?

— Да.

— Наличными?

— Да.

За её спиной тикали часы. Эти часы были у него одиннадцать лет, но он ни разу не слышал их тиканья.

Бек было за сорок, хотя, возможно, меньше, и она просто устала. Тёмные волосы собраны назад без особого внимания. Серый пиджак, чёрные брюки, удобные туфли на плоской подошве — она явно рассчитывала провести много времени на ногах. Накануне утром по телефону она была детективом Норой Бек из отдела финансовых преступлений. Лично, в девять, — просто Бек, будто должность можно назвать и потом, если спросят, а тратить на неё слова незачем.

Сегодня она приехала после патрульных и с порога вела себя так, словно официальный протокол начинается у входной двери.

Он невзлюбил её почти сразу. Грубой она не была. Грубые хотят, чтобы тебе было неуютно, а с этим желанием можно работать. Бек, похоже, хотела точности, а точность не оставляла ему места для манёвра.

— Итак, — сказала она. — Вы держали полтора миллиона долларов наличными в настенном сейфе.

— Да.

— Дома.

— Да.

— Почему?

Вот оно. Он репетировал, пока ответ не стал звучать почти правдиво.

— Они не мои.

— Чьи же?

— Частного кредитора.

— Имя?

Он замешкался. Полсекунды. Для него эта пауза прозвучала громко, как упавший стакан.

— Я бы предпочёл отвечать на это в присутствии адвоката.

— Вы сами нам позвонили.

— Знаю.

— Заявить о краже денег.

— Да.

— Но предпочли бы не говорить, чьи именно украденные деньги мы расследуем.

Он посмотрел на сейф, а не на неё. Задняя полка была поцарапана там, где один из мешков задел металл. Он заметил эту царапину ещё в июле и тогда подумал, что надо быть аккуратнее.

— Я сказал, что хочу адвоката.

Бек кивнула.

— Хорошо.

Это было хуже спора. Спор хоть что-то сообщил бы.

Она обошла его и не торопясь прошлась взглядом по комнате: сейф, стол, окно, дверь, пол. Ничего не трогала и, судя по всему, не искала ничего конкретного — а значит, смотрела на всё.

Дэниел скрестил руки, потом опустил, потому что скрещенные руки выглядят как защита, а потом понял, что опустить их было более заметным действием.

— Вы живёте один, мистер Рурк?

— Дочь иногда остаётся здесь.

— Сколько ей лет?

— Двадцать шесть.

Она сделала пометку, не глядя в блокнот.

— Она была здесь прошлой ночью?

— Нет.

— Кто-то ещё?

— Нет.

— Девушка?

— Нет.

— Молодой человек?

— Нет.

Он переступил с ноги на ногу. Она не подняла взгляда.

— Бывшая супруга?

— В разводе. Двенадцать лет.

— Домработница?

— Три раза в неделю.

— Садовник?

— По четвергам.

— У кого-то есть код сигнализации?

— У дочери.

— Ещё у кого-то?

— Нет.

Бек посмотрела на него, и он сам услышал пропуск.

— У домработницы отдельный код.

— Ещё у кого-то?

— Нет.

На этот раз ответ был формально правдив, а формальную правду Дэниел в последнее время ненавидел больше многого другого — особенно потому, что из неё по большей части и состояла его жизнь.

Заднюю дверь взломали чуть выше замка. В 5:41 сработала сигнализация. В 6:09 он позвонил в 911. Оба факта были совершенно настоящими, и оба были далеки от правды.

Это и делало сцену опасной. Разбитое керамическое кашпо у чёрного хода было настоящим. Грязный след в подсобке был настоящим. Повреждения у сейфа были настоящими. Кровь возле стола была настоящей. Выдуманное разваливается, если надавить. Настоящие детали, расставленные так, чтобы складывалась ложная картина, выдерживают проверку.

Он опустил взгляд. Три тёмные капли на ковре, уже помеченные жёлтыми маркерами.

Бек проследила за его глазами.

— Знаете, чья это кровь?

— Нет.

Вышло слишком быстро, и что-то сдвинулось у неё в лице — не подозрение, с подозрением он справился бы. Понимание. Она услышала ложь так же ясно, как он услышал собственную полусекунду, и отметила её так же, как отметил бы он.

Она присела, ничего не трогая. Три капли: одна почти круглая, одна вытянутая, одна поменьше ближе к окну.

Дэниел знал, что кровь означает не то, что думал патрульный. Знал он и то, что объяснение потребует сначала объяснить ещё четыре или пять вещей в порядке, который он пока не выстроил. Он был не готов. Это был факт, а не оправдание, и разницу он сознавал.

— Взломщик порезался? — спросил он.

Она подняла взгляд.

— Возможно. Или взломщица, — сказала она, выпрямившись.

Он промолчал. В дверях появился патрульный.

— Детектив?

Он держал прозрачный пакет для улик, и внутри лежала маленькая золотая серьга.

Дэниел перестал дышать.

— Нашли под тумбой.

Бек взяла пакет за край. Серьга была слегка погнута у застёжки. Он видел её чуть больше суток назад: в таких серьгах Мара Велес впервые за восемь лет вошла в этот дом. Она сидела на табурете у его кухонного острова, пила его скотч, а потом ходила по кабинету и объясняла, насколько идиотский у него план.

Он помнил тот самый момент, когда она тронула эту серёжку. Это было у двери кабинета, прямо перед её уходом, и он спросил, вернётся ли она. А получасом раньше она была куда резче.

«Ты хочешь, чтобы я вломилась к тебе в дом и украла деньги, которые ты уже украл?»

Он попросил её говорить тише. Она оглядела пустой кабинет.

«У кого, Дэниел? У мебели?»

Теперь одна из этих серёжек лежала запечатанная в полицейском пакете для улик на другом конце комнаты, и важным в ней было одно: она оказалась в доме до того, как взломали заднюю дверь. Дэниел знал это точно. Бек знала достаточно, чтобы подозревать нечто подобное. Патрульный не знал ничего.

Три уровня правды в одной комнате, и все смотрят на один кусочек золота.

— Узнаёте? — спросила Бек.

У него была примерно секунда.

— Нет.

Ещё одна ложь, которую она запомнит. Взгляд патрульного перешёл с одного на другую. Бек вернула пакет.

— Занесите в опись.

Когда они остались одни, она подошла к столу и посмотрела на фотографию в рамке: Дэниел и Тесс на озере Комо три лета назад, дочь одной рукой обнимает его и смеётся над чем-то за кадром. Поездку он помнил в подробностях. Над чем она смеялась, вспомнить не мог — и только сейчас заметил, что и не знал никогда.

— Вы бухгалтер, — сказала Бек.

— Судебный бухгалтер.

— Это значит?

— Расследую финансовые нарушения.

— Чужие пропавшие деньги.

— Иногда.

Она посмотрела на сейф.

— А теперь пропали ваши.

— Я же сказал. Они не мои.

Она повернулась к нему лицом.

— Ну да. Кто знал, что они здесь?

— Никто.

— Ваша дочь?

— Нет.

— Домработница?

— Нет.

— Кредитор?

— Очевидно.

— Кто-то с работы?

— Нет.

Бек выдержала паузу чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Тогда у нас необычайно осведомлённый грабитель.

Он промолчал.

— Они заходят в тихий дом после пяти утра. Не берут ключи от машины у чёрного хода. Не берут ноутбук внизу. Не трогают часы в вашей спальне.

Про часы он не знал и не был рад узнать именно так.

— Идут прямо сюда, — сказала она. — Пробуют код на скрытом настенном сейфе, а потом взламывают.

— Пробуют код?

— Вокруг свежие следы.

Он знал. Знал и почему, и это не помогало ни на грамм.

— Потом берут одну конкретную вещь и уходят, — сказала она.

— Полтора миллиона долларов — это не конкретная вещь?

— Конкретная, если никто о ней не знает. Кто знал? — спросила она, подойдя ближе.

В голове — голос Мары из пятницы. «Если что-то пойдёт не так, ты меня не знаешь».

Он улыбнулся тогда. «Это драматично».

«Нет, Дэниел. Драматично — это когда люди говорят то, чего не имеют в виду».

В 4:52 утра пришло сообщение с её аккаунта. Два слова: «Всё сделано».

За четыре минуты до этого пришло изображение. Мара на стуле, руки связаны за спиной, кровь над левым глазом. Он до сих пор не знал, какому из двух фактов положено верить и есть ли вообще смысл верить какому-то.

Промежуток между 4:52 и взломанной дверью он провёл, подчиняясь одним инструкциям, отказываясь от других и выясняя, как быстро страх превращает плохую идею в ответственную.

— Мистер Рурк?

Он посмотрел на неё.

— Я спросила, кто знал.

— Никто.

Она смотрела ещё мгновение. Потом одарила его небольшой, почти сочувственной улыбкой, и Дэниел сразу понял, что это самое опасное, что она сделала с тех пор, как вошла в дом.

— Хорошо, — сказала она. — Допустим, это правда.

Дождь ударил в стекло сильнее.

— Когда вы в последний раз видели деньги?

— Вчера.

— Во сколько?

— Днём.

— Зачем открывали сейф?

— Проверить.

— Все полтора миллиона?

— Нет.

— Как вы поняли, что ничего не пропало?

— Я не пересчитывал.

— Значит, украденная сумма может не равняться полутора миллионам.

— Равняется.

— Но вы не пересчитывали.

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете?

Он точно знал, кто пересчитывал, и назвать этого человека значило потянуть нить, отпускать которую он был не готов.

— Их пересчитали раньше.

— Кто?

— Я.

— Когда?

— Несколько недель назад.

— И больше никто не открывал сейф после этого?

— Нет.

Ещё одна ложь, и он начинал терять их порядок — он видел, как это происходит с другими людьми через стол переговоров, и всегда считал это недостатком дисциплины.

Бек медленно кивнула и пошла к двери, и он почувствовал, что понемногу расслабляется. Потом она остановилась.

— Ваша охранная компания прислала историю сигнализации.

Во рту пересохло.

— Систему отключили вчера в 23:42.

Он не пошевелился. Значит, ночь на субботу.

Она посмотрела на него.

— Потом включили снова в 1:08. Вы сказали, что были дома один.

— Был.

— Может, выходили на улицу.

— Нет.

— Открывали дверь?

— Не помню.

— Многовато, чтобы не помнить.

Теперь он слышал собственное сердцебиение, которое всегда считал фигурой речи.

— В 23:42 кто-то ввёл верный код, — сказала она.

Он молчал.

— В 1:08 кто-то ввёл его снова и поставил систему на охрану. — Пауза. — А в 5:41 тот, кто вошёл через заднюю дверь, кода не знал.

С того места, где стояла Бек, картина выглядела простой и неприятной. Кто-то снял сигнализацию до полуночи — возможно, гость, которого Дэниел отказывался назвать. Часы спустя второй человек взломал дверь, пошёл прямо к сейфу и оставил улики, указывающие на первого.

Он подумал, не был ли звонок в 911 худшим решением его жизни, и тут же вспомнил, что звонок в 911 был далеко не началом.

Бек открыла дверь кабинета.

— Мне понадобятся имена всех, кто мог быть здесь прошлой ночью.

— Мой адвокат…

— Да. Позвоните ему.

Она вышла в коридор и обернулась.

— И, мистер Рурк?

— Да?

— Если есть женщина, которая, как вам кажется, могла пострадать, сейчас отличное время перестать защищать себя.

Он посмотрел на маркеры крови, на серьгу и на пустой сейф. Беда была в том, что защита себя уже не была единственной причиной его молчания, и доказать разницу он не смог бы никому, включая себя.

— Я не понимаю, о чём вы.

Она удерживала его взгляд две секунды и ушла.

Он дождался, пока её шаги стихнут на лестнице, и достал телефон. Защищённое приложение всё ещё было открыто.

МАРА — 4:52

«Всё сделано».

Под ним была фотография, которую он впервые увидел в 4:48 на другом экране и всё ещё не мог заставить разум принять: Мара в кресле, руки связаны, рассечение над глазом, смотрит прямо в камеру. В 5:56 она пришла снова.

На этот раз под ней была надпись.

ТЫ ПЕРЕВЁЗ ДЕНЬГИ. СПАСИБО, ДЭНИЕЛ.

Глава 2

Чуть больше тридцати одного часа назад Дэниел Рурк стоял у себя в кабинете и решал, сжечь ли фотографию покойного брата.

Четыре месяца он жил с двумя тайнами и убеждал себя, что это одна. Смерть Майкла была горем. Деньги, настаивал он, были уликой. Держать их в одном предложении оказалось мелким административным удобством, которого он никогда не рассматривал внимательно — на том основании, что у него нет времени.

Каждое утро он заходил в эту комнату и проходил мимо гравюры с Нижним Манхэттеном, не глядя на неё прямо. И всегда точно знал, насколько далеко его кресло стоит от сейфа за ней. Тридцать один дюйм. Он измерил это в первую неделю, чтобы убедиться, что стол не выдвинут настолько, чтобы очертания стали видны из коридора, и после этого цифра больше ни для чего не была нужна. Он всё равно её помнил.

Мысли о наличных лезли ему в голову там, где им было не место. В очереди на кассе: «полтора миллиона долларов за моей стеной». На светофоре: «если сегодня придут с обыском, что я скажу». За ужином напротив Тесс: «она понятия не имеет».

Последнее сначала было стыдом. К третьему месяцу иногда становилось чем-то ближе к удовольствию, в чём он никому не признавался и себе признавался с трудом. Тайна делает человека крупнее, потому что все вокруг продолжают вести себя обычно, пока он живёт в другом месте. Тесс жаловалась на клиента. Соседка спрашивала про оценку налога на имущество. Почтальон оставил посылку на крыльце. Почта предлагала вебинар по учёту аренды и оплачиваемый опрос от какой-то Helix Behavioural Systems, и он удалил и то и другое. Ни один из них не знал, что по другую сторону штукатурки лежат три чёрных брезентовых мешка, а Дэниел знал, и у знания был вес.

Он называл это бременем. Иногда по ночам это казалось ему привилегией.

Он репетировал возвращение денег так часто, что у репетиций появились варианты. Оставить мешки там, где их найдёт Hale Group, приложив копии документов. Передать журналисту без имени. Позвонить Нейтану Коулу, другу, которого знал уже восемнадцать лет. Найти достаточно изобретательного адвоката, чтобы выстроить невозможную конструкцию, в которой Дэниел возвращает краденое, не признавая, что крал. В каждой версии был один и тот же беззвучный пункт: Дэниел сохраняет контроль до последней секунды. Никто ничего за него не решает, пока он не поймёт достаточно.

Так он объяснял себе отсрочку. «Я не оставляю их себе. Я жду».

У ожидания были превосходные манеры. Оно никогда не звучало жадно. Оно звучало ответственно.

Иногда он открывал сейф просто чтобы убедиться, что мешки сухие, ровные и нетронутые, и после первой недели ни разу больше не пересчитывал всю сумму. Это он тоже обратил в довод в свою пользу. Вор считает; Дэниел проверял. Вор тратит; Дэниел сохранял. Вор хочет денег; Дэниел хотел рычага. Он выстроил аргумент настолько хорошо, что к четвёртому месяцу лишь изредка замечал, насколько тщательно подобрано в нём каждое слово.

Потом в четверг вечером он нашёл фотографию Майкла, и вся конструкция сдвинулась на полдюйма.

Брат выглядел на ней обычно — ни обвиняюще, ни героически: просто живым, так, как это больше не казалось возможным. Дэниел поймал себя на вопросе, как Майкл назвал бы эти мешки. «Уликой»? «Рычагом»? Или деньгами, которые Дэниел взял и к которым привык?

Он перевернул фотографию лицом вниз. Потом перевернул обратно. Спор продолжался без участия Майкла, как продолжался всегда.

Он не искал её. Он разбирал стол, охотясь за запиской, написанной три недели назад, смысл которой уже забыл, и фотография лежала под квартальным отчётом компании, официально больше не существующей, — лицом вниз, с загнутым под тяжестью бумаг уголком.

Он нашёл её в 23:06 в четверг вечером и перевернул.

Майклу на снимке было двадцать два, Дэниелу — тридцать два. Они стояли у озера в Вермонте с банками пива, щурясь на солнце. Волосы Майкла были слишком длинными. Рубашка Дэниела — слишком дорогой для этого места. За ними, почти вне кадра, пожилой мужчина пытался вытащить из воды маленькую собаку.

Дэниел помнил собаку. Помнил, как Майкл над ней смеялся. Помнил раздражение из-за того, что в ресторане потеряли их бронь.

Он не мог вспомнить, как звучал голос брата.

Это пугало, хотя и не настолько, чтобы заплакать; плакал он редко. Пугало тихо, тем же способом, каким пугает возраст: доказательством, что нечто может уйти, не спросив разрешения.

Он положил фотографию рядом с настольной лампой и посмотрел на стену.

Он встал. Несколько секунд смотрел на раму. Потом пересёк комнату и снял её со стены.

За ней была дверца сейфа с чёрной клавиатурой и стальной ручкой. Никакой тайны.

Он ввёл код, и замок отошёл. Три тёмных брезентовых мешка. Он не тронул ни один; трогать давно перестало быть частью этого. В последнее время он только открывал сейф, смотрел и закрывал снова, будто ему было достаточно убедиться, что деньги на месте.

В первый раз, когда деньги оказались у него в доме, он пересчитал каждую пачку, потом пересчитал ещё раз, потом сфотографировал пачки, потом удалил фотографии, а потом целый час выяснял, действительно ли удалённые фотографии удаляются. Это было четыре месяца назад. Считать больше не требовалось. Полтора миллиона долларов обрели у него в сознании физическое присутствие — не число, а вес, запах, предмет, занимающий часть комнаты даже спрятанным. Бывали вечера, когда он был почти уверен, что чувствует его с кухни.

Он закрыл сейф, и в ту же секунду зазвонил телефон. Нейтан Коул.

Дэниел посмотрел на экран. Нейтан не звонил после десяти, если только кого-то не арестовали, кто-то не умер или кто-то не хотел, чтобы Дэниел поверил, что вот-вот случится одно из первых двух.

— Ты знаешь, который час? — сказал он, сняв трубку.

Нейтан не засмеялся, и это был первый тревожный знак.

— Ты дома?

Дэниел посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— Да.

— Один?

— Да.

Пауза на том конце затянулась, и Дэниел выпрямился в кресле.

— Что случилось?

— Пока ничего не говори.

— Нейтан…

— Просто слушай.

Тон менял всё, и Дэниел сел.

Нейтан четырнадцать лет прослужил в федеральных органах, прежде чем перейти в то, что сам называл частным сектором, а все остальные — знакомством с нужными людьми. Теперь он занимался комплаенсом, расследованиями, корпоративной разведкой и иногда вещами, о которых Дэниел решил не спрашивать. Они знали друг друга восемнадцать лет. Дэниел ему доверял — до определённого предела. У каждого есть свой предел.

— Сегодня днём всплыло твоё имя, — сказал Нейтан тише.

— Где?

— В финансовых преступлениях.

Под рёбрами что-то сдвинулось — ещё не страх, но уже его предчувствие.

— Почему?

— Не знаю.

— Ты звонишь мне в одиннадцать вечера сказать, что не знаешь?

— Я знаю достаточно.

Дэниел посмотрел на гравюру.

— Говори.

— У них есть фотография.

В комнате стало очень тихо.

— Какая фотография?

— Наличные.

Дэниел молчал.

— Внутри твоего дома.

Взгляд Дэниела медленно пошёл к двери кабинета, и на одну иррациональную секунду он представил, что кто-то стоит с той стороны и слушает.

— Нейтан.

— Я здесь.

— Что ты на самом деле видел?

— Я не видел.

— Тогда откуда знаешь?

— Потому что человеку, который мне сказал, незачем это выдумывать.

— Кто?

— Нет.

— Кто?

— Дэниел, если я назову имя, ты построишь теорию вокруг имени. Мне нужно, чтобы ты услышал то, что важно.

Он встал и открыл дверь. Коридор был пуст. Внизу включился компрессор холодильника. Больше ничего. Он закрыл дверь.

— Что важно?

— Они действуют быстро.

— Насколько?

— Слышал — завтра.

— Завтра что?

Нейтан помедлил, и это была вторая тревога.

— Ордер.

Пальцы Дэниела сжались на телефоне.

— Нет.

— Так мне сказали.

— На что?

— Обыск.

— В офисе?

— У тебя дома.

Он перестал дышать. Нейтан назвал его по имени.

Дэниел посмотрел на стену. Гравюра вдруг показалась абсурдной — Нижний Манхэттен в изящном чёрно-белом, повешенный поверх тяжкого преступления.

— Какие улики?

— Фотографии наличных достаточно, чтобы возникли вопросы. Может, у них есть больше.

— Фотография наличных доказывает, что у меня были наличные.

— Знаю.

— Она не устанавливает источник.

— Знаю.

— Не устанавливает владение.

— Знаю.

— Не устанавливает ничего незаконного…

— Дэниел, — перебил Нейтан.

— Что?

— Ты споришь со мной, будто я и есть государство.

— Я говорю тебе, что она доказывает, — сказал Дэниел, закрыв глаза.

— А я говорю тебе, что людям с ордером всё равно, что ты сможешь объяснить потом. Сначала они войдут. Объясняться будешь потом.

Дыхание стало поверхностным. Он заставил его замедлиться.

— Сколько лет фотографии?

— Не знаю.

— Где снята?

— У тебя дома.

— Где именно?

— Не знаю.

— Что на ней видно?

— Не знаю.

— Ты многого не знаешь, — сказал он, открыв глаза.

— Верно. Но я знаю то, чего не знаешь ты.

— Что?

— За твоим домом следят.

Дэниел замер.

— Что?

— Не подходи к окну.

Он уже развернулся к нему и остановился на полпути.

— Напротив уже минимум два часа стоит машина.

— Откуда ты знаешь?

— Я попросил кое-кого проверить.

Пришла злость, и она была легче всего остального.

— Ты приставил кого-то к моему дому?

— Я попросил выяснить, не следит ли за твоим домом кто-то ещё.

— Не сказав мне.

— Пожалуйста.

Он отошёл от окна.

— Какая машина?

— Забудь про машину.

— Какая?

— Тёмный внедорожник. Раньше была другая.

— Полиция?

— Не знаю.

— Федералы?

— Не знаю.

— Ты это повторяешь без конца.

— Потому что, в отличие от тебя, я не изобретаю уверенность, когда мне страшно.

Дэниел чуть не положил трубку. Вместо этого сказал:

— Мне не страшно.

Нейтан помолчал дольше, чем нужно.

— Именно поэтому ты опасен, когда страшно.

Дэниел посмотрел на фотографию Майкла. Брату на ней было двадцать два, и ему до сих пор приходилось себе об этом напоминать; в памяти Майкл всё время сползал к тридцати восьми — возрасту, на котором перестал стареть.

Шесть лет Дэниел твердил себе, что смерть брата научила его, что действительно важно. Неправда. Она научила его тому, что время способно остановиться для одного человека и продолжать идти для всех остальных.

Утром после обрушения он стоял в дверях больничной палаты, пока врач произносил слова вроде «катастрофическое», «компрессионное» и «необратимое». Карен, жена Майкла, кричала. Дэниел спросил имя инженера-конструктора.

Даже тогда. Даже там. Искал, с кого спросить.

— Скажи мне, что у тебя дома нет ничего, что может закончить твою жизнь, — сказал Нейтан.

Дэниел не ответил ничего.

— Дэниел.

Тишина держалась несколько секунд.

— О, чёрт.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Я прекрасно понимаю, что означает твоё молчание.

— Нет, не понимаешь.

— Насколько плохо?

Он вернулся к сейфу, не открывая его.

— Насколько плохо что?

— То, что ты хранишь.

— Я не буду обсуждать это по телефону.

Нейтан глубоко выдохнул.

— Хорошо. Значит, хоть один инстинкт у тебя ещё работает.

На том конце что-то шевельнулось, закрылась дверь, и голос вернулся тише.

— Не делай сегодня глупостей.

Смешок вышел почти одним воздухом.

— Что подошло бы под это определение?

— Не выноси ничего из дома. Не звони двенадцати людям. Не начинай ничего удалять. Не решай в полночь, что ты вдруг умнее федерального расследования.

Дэниел посмотрел на сейф.

— Ты сказал — завтра.

— Я сказал, что так мне передали.

— Во сколько?

— Не знаю.

— Утром?

— Не знаю.

— До восьми?

— Я не…

— Нейтан.

— Не знаю.

Он начал ходить по комнате.

— Тогда что мне делать?

— Позвонить адвокату.

— И сказать ему что?

— Правда была бы прорывом.

Дэниел остановился посреди комнаты.

Нейтан что-то знал, пусть и не всё. Возможно, больше, чем Дэниел предполагал.

— Как давно ты знаешь?

— Знаю что?

— Что здесь что-то есть.

Нейтан ответил не сразу.

— Достаточно давно, чтобы заметить: ты ведёшь себя как человек, ждущий стука в дверь.

— Мне нужно подумать, — сказал Дэниел, снова садясь.

— Нет. Думать — это то, что тебя сюда привело.

— Очень полезно.

— Слушай. Если то, что у тебя дома, незаконно, перемещать это после того, как ты узнал о расследовании, может только ухудшить дело.

— Я понимаю.

— Понимаешь?

— Да.

— Потому что у тебя привычка слышать в совете стартовую позицию для торга.

Дэниел посмотрел на фотографию Майкла.

— Ты сказал, есть снимок.

— Да.

— Сделанный внутри.

— Да.

— Значит, кто-то был в этой комнате.

Нейтан не стал этого подтверждать.

— Кто-то, кого я знаю.

— Вероятно.

— Или кому доверял.

— Это не одно и то же.

Он едва расслышал. Разум уже начал список. Тесс. Домработница. Подрядчик. Страховой инспектор. Двое коллег. Сантехник. Мара…

Дэниел остановился на этом имени.

Нет. Мара не была в доме много лет. Не с тех пор, как…

— Дэниел?

— Я перезвоню.

— Не надо.

— Мне нужно двадцать минут.

— Тебе нужен адвокат.

— Мне нужно двадцать минут.

— Для чего?

Он посмотрел на стену и на мешки за ней.

— Понять, кто сделал фотографию.

Голос Нейтана стал жёстче.

— Не трогай деньги.

Дэниел не отозвался.

— Дэниел.

— Я слышал.

— Это не то же самое, что согласиться.

— Я позвоню.

В 23:19 он снова посмотрел на фотографию Майкла. Брат всё ещё улыбался из рамки. Дэниел взял её в руки.

— Тебе бы это понравилось, — сказал он.

Комната ничего не ответила.

Брат всегда считал ум Дэниела одновременно впечатляющим и нелепым. В семнадцать Дэниел построил таблицу, вычислявшую самый дешёвый маршрут для семейного отпуска, и Майкл посмотрел на неё и сказал: «Или можно просто сесть в машину». На свадьбе Майкла Дэниел произнёс семиминутный тост, и Майкл потом прошептал: «Ты мне за это счёт выставил?» Годы спустя в больнице Дэниел сидел рядом с телом, опутанным аппаратами, и обещал бессознательному брату, что выяснит, что произошло.

Не «я тебя люблю». Не «я здесь». Не «прости». Он пообещал расследование, потому что это был единственный язык, который он знал.

Дэниел положил фотографию, открыл нижний ящик и достал старый одноразовый телефон, купленный месяцы назад и ни разу не использованный.

Тридцать секунд он просто смотрел на него. Предупреждение Нейтана повторялось: «не звони двенадцати людям».

Дэниелу нужен был один.

Он включил телефон. Маленький экран загорелся. В памяти был единственный номер, без имени, и он всё равно знал его наизусть. Восемь лет он успешно не звонил Маре Велес.

В 23:23 в четверг вечером он нажал кнопку.

Она ответила на четвёртом гудке. Ни «алло». Ни удивления. Только молчание.

— Мара?

Её голос звучал в точности так, как он помнил.

— Смотря зачем.

— В смысле?

— В смысле, звонишь ли ты извиниться.

— Нет, — сказал он, закрыв глаза.

— Тогда ты ошибся номером.

— Подожди.

Ещё пауза. Он почти видел, как она решает.

— Мара, мне нужна твоя помощь.

Она засмеялась — тихо, резко, совершенно без веселья.

— Ну разумеется.

Он посмотрел на скрытый сейф.

— Как быстро ты можешь сюда добраться?

Она выждала ровно столько, чтобы дать ему понять: она уже что-то выиграла.

— Что ты натворил?

Он посмотрел на фотографию Майкла. За окном тёмная машина всё ещё стояла у тротуара.

— Я совершил ошибку.

Она снова засмеялась, и на этот раз её голос смягчился, что было хуже.

— Нет, Дэниел. Ты не звонишь мне из-за ошибок. — Пауза. — Ты звонишь мне из-за катастроф.

Глава 3

Мара приехала в 0:07. Дэниел знал точную минуту, потому что ожидание превратило часы в обвинение.

В 23:41 он думал перезвонить и сказать, чтобы не приезжала. В 23:46 решил, что это было бы трусостью. В 23:52 решил, что и сам звонок был трусостью в костюме доверия. В 23:58 вспомнил их последний разговор восемь лет назад и чуть не рассмеялся мысли, что сегодняшняя проблема почему-то хуже той.

В 0:05 по дальней стороне улицы медленно прошёл тёмный седан, не останавливаясь. Дэниел смотрел на него сквозь щель между шторой и рамой. Не тот внедорожник, что описывал Нейтан, — другая машина, другие фары. Или вообще ничего. Он перестал доверять своей способности различать примерно тогда же, когда перестал считать деньги.

Через две минуты прозвенел звонок, и все заготовленные фразы разом вылетели у него из головы.

Он посмотрел на монитор охраны. Мара стояла под фонарём крыльца в тёмном пальто поверх джинсов, одна рука в кармане, в другой — бутылка вина за горлышко. Машину перед домом она не поставила. Разумеется, нет.

Он открыл дверь, и несколько секунд ни один из них ничего не сказал.

Дэниел ожидал, что возраст облегчит встречу. Не облегчил. Мара изменилась так, как он мог бы перечислить, и так, как мог только почувствовать: тонкие морщинки у глаз, волосы короче, чуть выше плеч, и седины в них больше, чем он ожидал, — она годами грозилась перестать закрашивать и всегда передумывала в последний момент, а в какой-то момент, видимо, передумывать перестала. И она по-прежнему стояла чуть боком к комнате, будто какая-то её часть постоянно проверяла выход. Когда-то он любил это в ней, приняв бдительность за независимость. Понадобилось ещё несколько лет, чтобы понять: бдительность часто просто усталость.

Она смотрела на него, пожалуй, на две секунды дольше нужного, и он гадал, что она видит. Седина на висках. Вес, который он сбросил после смерти Майкла и набрал обратно неудачно. Рубашка, которую он менял дважды перед её приходом, потому что первая делала вид, будто он оделся ради неё, а вторая — будто нарочно не оделся ради неё. Третья казалась нейтральной. Стоя в дверях, он понял, что мужчина, трижды поменявший рубашку, уже всё о себе сообщил.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

— Ты выглядишь…

— Осторожнее.

Он замолчал, не найдя безопасного продолжения.

— Не знала, ждать ли убийство или расставание, — сказала она, приподняв бутылку.

— Ни то, ни другое.

— Тогда мы, кажется, перестарались.

Он посторонился. Она вошла. Он закрыл дверь и запер её, и она заметила.

— Кого-то ждёшь?

— Нет.

— Выглядело как ожидание.

Он ещё раз проверил засов — и только подкрепил её подозрения.

Крупица прежней лёгкости вернулась и исчезла за четыре реплики. Восемь лет, сжатые в прихожей. Ему хотелось извиниться — не за что-то одно, с чем-то одним он бы справился, а за всё, что накопилось между ними за эти годы. За то, что был прав в спорах, где правота не требовалась. За то, что считал её молчание загадкой, которую надо решить, а не высказыванием,

которое надо услышать. За тот последний вечер, когда она спросила, выберет ли он её или собственную правоту, и он ответил объяснением, почему вопрос несправедлив. Формально он был прав. Это воспоминание состарилось очень плохо.

А теперь он позвонил ей, потому что нуждался в том, что она умеет. Мысль, что это повторяет старейшую проблему между ними, приходила ему несколько раз. Он всё равно позвонил.

Её взгляд один раз обошёл прихожую — камера, окно, лестница, — и он почувствовал облегчение, потому что она была компетентна, а потом стыд за облегчение, потому что он скучал по женщине, а за полторы минуты начал пользоваться следователем.

Она сбросила пальто. Чёрный свитер, тёмные джинсы. Маленькие золотые кольца в обоих ушах. Ни цепочки, ни колец. Его взгляд задержался на её левой руке, и это она тоже поймала.

— Всё ещё женат на любопытстве?

— Я не присматривался.

— Всё ещё ужасно врёшь.

Он чуть не ответил. Вместо этого взял пальто. Руки соприкоснулись, и ни один не подал виду. Вешать его он не стал, так и держал на руке.

— На кухню?

— У тебя есть что-нибудь крепче вина?

— Да.

— Тогда зачем я это принесла?

— Не знаю.

— Надеялась, ты подскажешь.

Он едва заметно улыбнулся. На полсекунды она посмотрела на него иначе. Потом это ушло, и они прошли на кухню, где она остановилась у острова.

— Ты её переделал.

— Что?

— Кухню.

— Пять лет назад.

— Ты ненавидел белые шкафы.

— Передумал.

— Насчёт шкафов.

— Да.

— Люди меняются.

Он достал из шкафа два стакана.

— Скотч?

— Ты запомнил.

— Я много что помню.

Она села на барный стул.

— С этим у тебя никогда не было проблем.

Он налил. Она смотрела, как он отмеряет ей два пальца.

— Ты всё ещё отмеряешь мне.

— Привычка.

— Всё ещё считаешь точность характером.

Он протянул стакан. Она отпила, потом ещё раз, а он остался стоять.

Она огляделась. В доме было тихо. Большая стеклянная дверь показывала только тёмный двор. На столешнице стояла миска с лимонами, купленными шесть дней назад и забытыми; их было четыре, и один уже начал мягчеть.

— Ты живёшь как в отеле, — сказала она.

— Я живу один.

— Это не одно и то же.
— Пересекается.
— Где Тесс?
— Не здесь.
— Догадалась по полному отсутствию жизни в доме.
— У неё квартира в центре, — сказал он, прислонившись к столешнице.
— Чем она теперь занимается?
— Маркетинг.
— Она ненавидела маркетинг.
— Ей нравится эта работа.
— Я не об этом спросила.
Он посмотрел на неё, и она слабо улыбнулась.
— Расслабься. Я не следила за твоей дочерью.
— Ты много помнишь.
— В отличие от тебя, я не считаю память административной функцией.
Он выпил. Скотч оказался крепче, чем он ожидал, и он налил себе больше обычного.
— Ты нервничаешь, — сказала она.
— Я сказал, что мне нужна помощь.
— Ты сказал, что совершил ошибку.
— Да.
— Это разные вещи.
— Да.
— Так что из этого привело меня сюда?
Он глянул в сторону коридора, и она проследила взгляд.
— Ошибка или катастрофа?
— И то, и другое.
Она ждала. Он промолчал. Она поставила стакан.
— Хорошо, — сказала она и кивнула в сторону коридора. — Покажи.
Он не двинулся с места.
— Дэниел.
— Мне нужно, чтобы ты сначала кое-что поняла.
— Нет.
— Нет?
— Никаких речей перед фактами. Ты сам меня этому научил.
— Я тебя этому не учил.
— Ты повторял это примерно шесть тысяч раз.
— Важно, как на это посмотреть.
— Одна эта фраза говорит мне, что ты сделал глупость.
Он выдохнул, и она поднялась со стула.
— Где?
Он помедлил, и она указала в сторону коридора.
— Кабинет?
Он посмотрел на неё.
— Всё ещё наверху?
— Нет.
Она улыбнулась.
— Конечно, наверху.
— Откуда ты знаешь?
— Ты всегда хотел комнату ближе к выходу и дальше от спальни.

— В этом нет смысла.

— Для тебя был.

Она вышла из кухни, и он пошёл следом.

— Мара.

Она остановилась у подножия лестницы.

— Что?

— Ты не была здесь восемь лет.

— Семь лет и девять месяцев.

Он промолчал. Что-то в её лице сдвинулось, едва заметно.

— Я тоже помню даты.

Она пошла наверх, и он двинулся следом.

У двери кабинета она подождала, пока он откроет. Внутри всё ещё горела настольная лампа. Рядом лежала фотография Майкла, и она увидела её сразу. Лицо смягчилось так, что перестроилось целиком.

— Этот снимок.

— Помнишь его? — спросил он, закрывая дверь.

— Вермонт.

Он посмотрел на неё.

— Тебя там не было.

— Нет. Ты мне его показывал.

— Когда?

— Давно. Ещё до твоего развода.

Он уставился на неё. У него не было об этом никакой памяти вообще, и размер провала пугал сильнее самого факта.

Мара подошла к столу, не трогая рамку.

— Он выглядит счастливым.

— Он жаловался на пиво.

— Он жаловался, когда был счастлив.

Дэниел поймал себя на улыбке.

— Да.

Она посмотрела ещё мгновение, потом обернулась.

— Что случилось?

Он подошёл к стене и снял гравюру с крючка. Показался сейф. Она посмотрела на него, потом на Дэниела.

— Ты хранишь документы?

— Не совсем.

Он ввёл код, и дверца щёлкнула, отходя. Он открыл её, и она наклонилась посмотреть на три тёмных мешка.

Она не показала ровным счётом ничего, и это встревожило его сильнее, чем испуг.

Он вынул первый мешок и поставил на пол. Потом второй. Потом третий. Она присела на корточки и расстегнула один из них. Пачки сотен заполняли его доверху.

Она подняла на него взгляд.

— Сколько?

— Полтора.

— Полтора чего?

Он встретил её взгляд.

— Миллиона.

— Долларов?

— Да.

Она опустилась на пятки и несколько секунд молчала. Потом засмеялась — сначала тихо, потом сильнее.

Он нахмурился.

— Это не смешно.

Она прикрыла рот ладонью.

— Нет. Совершенно не смешно.

— Мара.

— Ты позвонил мне спустя восемь лет, потому что у тебя в стене полтора миллиона долларов? — спросила она, поднимаясь.

— Я не знал, кому ещё звонить.

— О, как мило.

— Ты упускаешь суть.

— Нет, Дэниел. Кажется, я впервые за вечер её нашла.

Она посмотрела вниз на мешки.

— Чьи это деньги?

— Это сложно.

— Тогда упрости.

— Hale Group.

Смех прекратился. Она не двинулась. Он увидел, как это произошло у неё на лице: сначала понимание, потом нечто заметно более холодное.

— Повтори.

— Деньги от Hale Group.

— Как?

— Я их нашёл.

— Это не ответ.

— Это была часть неучтённого фонда.

— Где?

— Пока не могу рассказать всё.

Она шагнула к нему.

— Тогда звони кому-то другому.

— Не могу.

— Попробуй.

— Мара.

Она подняла пальто с кресла, куда он положил его, сам того не заметив. Он встал между ней и дверью.

— Послушай меня.

— Нет.

— Ты пришла.

— Я пришла, потому что ты сказал «катастрофа». Я предположила юридическую катастрофу. Финансовую катастрофу. Труп, возможно, если бы ты наконец стал интересным.

— Мара.

— Я пришла не для того, чтобы помогать тебе вывозить краденые наличные.

— Я не говорил «вывозить».

Она остановилась на полуслове.

Он тут же пожалел о слове.

— Что именно ты хотел, чтобы я сделала?

— Звонил Нейтан, — сказал он, набрав воздуха.

— Это ничего не меняет.

— Он говорит, у властей есть фотография.

— Чего?
— Денег.
Она прищурилась.
— Где?
— В этом доме.
Она обвела взглядом кабинет.
— Снята здесь?
— Не знаю.
— Кто был в этой комнате?
— Это я и пытаюсь выяснить.
— Дэниел.
— За домом следят.
Это остановило её на середине движения.
— Кто? — спросила она.
— Не знаю.
— Полиция?
— Может быть.
— Федералы?
— Может быть.
— Hale?
Он замялся, и она это увидела.
— Значит, может быть и Hale.
— Я этого не говорил.
— И не надо было.
Она отложила пальто. Остаться она не решила, понял он: просто ситуация стала интереснее выхода. Он знал этот взгляд. Он видел его двадцать лет назад, когда она вела внутренние расследования и кто-то давал показания с одним лишним фактом.
Она снова посмотрела на мешки.
— Что именно тебе сказал Нейтан?
Он пересказал звонок — не слово в слово, но достаточно. Когда он закончил, она пошла к окну.
— Не надо, — резко сказал он.
Она остановилась с рукой в дюйме от шторы.
— Нейтан сказал, что за домом следят.
— Да.
— И ты ему поверил.
— Я верю, что он сам в это верит.
— Это самая дэниеловская фраза, какую я слышала за восемь лет.
Она отошла от окна.
— Как давно они у тебя?
— Четыре месяца.
— Четыре месяца.
— Да.
— И ты держал их здесь.
— Да.
Она выглядела почти оскорблённой.
— Почему?
— Здесь безопасно.
— Нет. Безопасно в банке.

— Банк оставляет записи.

Она уставилась на него.

— Ты себя слышишь?

— Да.

— Ты украл полтора миллиона долларов, а потом провёл оценку рисков.

— Я не крал.

Она засмеялась один раз.

— Нет?

— Нет.

— Hale тебе их отдал?

— Нет.

— Тогда поздравляю. Ты самостоятельно изобрёл воровство.

Он почувствовал, как поднимается злость.

— Они убили Майкла.

Её лицо изменилось. Едва. Но заметно.

— Hale убил Майкла?

— Они знали.

— Знали что?

— Опоры были дефектными.

— Ты можешь это доказать?

— Я нашёл внутренние документы.

— Где они?

Он не ответил ей ничего.

— Дэниел.

— У меня их нет.

— Конечно нет.

— У меня был доступ меньше часа.

— И ты взял наличные.

— Наличные я нашёл после.

— Но не документы.

— Я скопировал часть данных.

— Где?

— Зашифровано.

— Где?

— Не здесь.

Она посмотрела на мешки.

— Значит, ты решил мстить валютой.

— Нет.

— Какой был план?

— Его ещё не было.

— Мне нужен был рычаг.

— Против кого?

— Против Hale.

— Как?

— Я не решил.

— Ты забрал их деньги, чтобы они знали, что ты что-то знаешь, — сказала она, покачав головой.

— Они не знают, что я их взял.

— Тогда это не рычаг.

— Знаю.

— Правда?

Он отвёл взгляд. Она подошла ближе.

— Нет. Скажи прямо.

— Что сказать?

— Ты хотел эти деньги.

Он резко поднял глаза.

— Дело не в этом.

— Не в начале.

— Тогда почему они всё ещё здесь?

Он открыл рот, но не смог произнести ни слова.

Она заговорила тише.

— Вот почему ты мне позвонил.

— Нет.

— Да. Ты всегда звонишь мне, когда история, которую ты себе рассказываешь, перестаёт работать.

Он посмотрел на неё. Несколько секунд оба молчали.

— Ты думаешь, что знаешь меня, потому что знала двадцать лет назад.

— Нет. Я думаю, что знаю тебя, потому что ты до сих пор споришь точно так же, — сказала она, не сводя глаз с его лица.

Он отвернулся, подошёл к столу, взял фотографию Майкла и положил обратно. Она смотрела, как он это делает.

Когда она заговорила снова, резкость в голосе изменилась.

— Ты когда-нибудь выяснил, что на самом деле с ним произошло?

Он не обернулся.

— Я же сказал. Они знали про дефект.

— Я не об этом спрашивала.

Он оглянулся.

— В смысле?

— Майкл. — Тише. — Последний час. Само обрушение. Ты выяснил?

Глава 4

Он стиснул зубы.

— Нет.

— Почему нет?

— Записи пропали.

— Какие записи?

— Журналы инспекций. Внутренняя переписка. Один инженер уехал из страны.

— А Hale?

— Заплатили.

— Семьям.

— Да.

— Тебе?

— Я не был истцом.

— Карен. Его жене.

— Да.

Её взгляд ненадолго опустился.

— Сколько?

— Какая разница?

— Для неё была разница.

Он не ответил, и она поняла.

— Она взяла деньги.

— У неё было двое детей.

— Я её не осуждаю.

— Тебе не нужно было это говорить.

Она подошла к сейфу и снова присела рядом с мешками. Открыла второй, достала пачку, перевернула. На банковской ленте не было названия учреждения. Она проверила другую, потом третью.

— Что ты ищешь? — спросил он, наблюдая за ней.

— Закономерности.

— В наличных?

— Во всём.

Она вытянула одну купюру и поднесла к свету.

— Серии смешаны.

— И что?

— То, что я сомневаюсь, что они пять лет пролежали в одном хранилище. Скорее всего, их кто-то собирал.

— Ты можешь это определить?

— Достаточно, чтобы перестать считать, что для Hale это ничего не значит.

— Я так не считаю.

— Ты сказал, это был неучтённый фонд.

— Был.

— Для чего?

— Для выплат.

— Каких?

— Не знаю.

— Взятки?

— Вероятно.

— Шантаж?

— Возможно.

— Политика?

— Не знаю.

— Преступление?

— Это уже преступление.

Он остановился. Она положила купюру обратно и подняла взгляд.

— Чего ты хочешь?

У него были заготовлены версии ответа, и сейчас ни одна не звучала приемлемо.

— Мне нужно, чтобы деньги исчезли до утра.

— Нет.

— Ты не дослушала.

— Продолжения быть не должно.

— За домом следят.

— Тогда ты точно их не перемещаешь.

— Если они войдут сюда…

— Тогда тебе нужен адвокат.

— Если это найдут, всё станет только про деньги.

— Это уже только про деньги.

— Нет. Это про Hale.

— Не для полиции.

— Именно.

— Тогда звони адвокату, — сказала она, вставая.

— Я позвонил тебе.

— Ужасное решение.

— Мне нужно решение.

— Тебе нужны последствия.

Он вздрогнул, и она это увидела. Несколько секунд она смотрела на него почти с сожалением.

— Чего именно ты от меня просишь?

Он набрал воздуха, прежде чем сказать это. Он знал: стоит фразе прозвучать вслух, и притворяться, что это была просто идея, станет труднее.

— Мне нужен кто-то, кто их заберёт.

Она уставилась на него.

— Нет.

— Послушай.

— Нет.

— Не перевезти. Забрать.

— Это буквально и есть перевезти.

— Забрать. Сделать так, чтобы это выглядело кражей.

В комнате стало тихо.

— Ты хочешь, чтобы я вломилась к тебе в дом и украла деньги, которые ты уже украл?

Он попросил её говорить тише. Она оглядела пустой кабинет.

— У кого, Дэниел? У мебели?

Её лицо стало непроницаемым. Он продолжал, потому что остановиться сейчас было бы хуже.

— Если за домом следят и кто-то вломится…

— Ты сошёл с ума.

— …тогда исчезновение денег не указывает на меня.

— Оно указывает на того, кто вломился.

— Да.

— То есть на меня.

— Они не будут этого знать.

Она смотрела на него не мигая.

— Ты позвал меня сюда, чтобы я совершила для тебя преступление.

— Я позвал, потому что ты разбираешься в безопасности.

— Это твоя защита?

— И потому что я тебе доверяю.

Она засмеялась один раз, совсем пусто.

— Ты мне доверяешь.

— Да.

— После восьми лет.

— Да.

— Ты не доверял мне, когда мы спали вместе.

— Это нечестно.

— Нет, Дэниел. Честность была доступна двадцать лет назад. Сейчас мы обсуждаем реальность.

Он подошёл ближе к ней.

— Я не знал, к кому ещё…

— Знаю, — перебила она. — Именно это ты считаешь романтичным.

— Я не считаю это романтичным.

— Ты позвонил женщине, которую бросил, потому что она единственная, кто может помочь тебе спрятать краденые деньги.

— Я тебя не бросал.

Она посмотрела на него, и поправка прозвучала мягко, отчего стало хуже.

— Ты прав. Ты выбрал другое.

Он промолчал. Она отвела взгляд первой, и именно это, и это ранило сильнее всего остального. В комнате было тихо, если не считать слабого тиканья отопления.

— Прости меня, — сказал он наконец.

Она улыбнулась, но не по-доброму.

— Восемь лет — и ты наконец нашёл эту фразу.

— Надо было сказать раньше.

— Да.

— Я боялся.

— Это не извинение.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Ты подставляешь объяснение туда, где должно быть раскаяние.

Он почувствовал, как это попало куда-то давнее. Он сел на край стола, и выглядел скорее уставшим, чем напуганным.

— Почему сейчас? — спросила она.

— В смысле?

— Почему извиняешься сейчас?

— Потому что ты здесь.

— Это близость, а не совесть.

Он потёр лицо.

— Может, не сегодня?

— Нет.

— У меня, возможно, люди под окнами.

— Тогда сегодня отличный вечер для честности.

Он посмотрел на неё. Она стояла у сейфа, у ног открытый мешок — деньги между ними, метафора настолько очевидная, что он её ненавидел.

— Я любил тебя, — сказал он.

Выражение её лица не изменилось.

— Знаю.

— Я не знал, как оставить всё остальное.

— Жену.

— Да.

— Работу.

— Да.

— Свою жизнь.

— Да.

— И ты попросил меня подождать.

— Знаю.

— И я ждала.

— Какое-то время, — сказал он, закрыв глаза.

— Одиннадцать месяцев.

— Знаю.

— Нет. Ты помнишь число. Это другое.

Он открыл глаза. Она смотрела прямо на него.

— Я думал, мне нужно время.

— Ты думал, что время бесплатно.

Он чуть не начал спорить. Не стал.

— Ты всегда считаешь, что отсрочка нейтральна, — сказала она. — Будто пока ты решаешь, ничего не происходит.

Он посмотрел на мешки на полу. Ирония была слишком доступной, чтобы ею наслаждаться. Она тоже это заметила.

— Возможно, это первая разумная мысль за весь вечер.

— Что?

— Ты только что понял, что это та же самая проблема.

Он посмотрел на неё.

— Смерть Майкла. Hale. Деньги. Я. Ты вечно ждёшь идеального момента, чтобы начать действовать.

— Это нечестно.

— Опять «нечестно».

— Я не собирался их оставлять.

Её взгляд пошёл к сейфу.

— Когда ты собирался их вернуть?

— Не знаю.

— Использовать?

— Не знаю.

— Разоблачить Hale?

— Да.

— Когда?

Он промолчал, и она кивнула.

— Вот именно.

Она взяла со стола свой стакан. На дне ещё оставалось немного скотча. Она всё равно выпила.

— Сколько человек знают?
— О деньгах?
— Да.
— Я.
— Нейтан?
— Он подозревает.
— Тесс?
— Нет.
— Уверен?
— Да.
— Домработница?
— Нет.
— Кто-то в Hale?
— Нет.
— Кто-то, кто может связать тебя с фондом?
Он замялся. Она поймала.
— Кто?
— Один человек.
— Имя.
— Эллиот Крейн.
— Кто это?
— Бывший финансовый контролёр в одной из дочерних компаний Hale.
— Бывший — потому что?
— Он исчез.
Она поставила стакан.
— Что это значит?
— Уехал.
— Из страны?
— Да.
— Когда?
— Почти четыре месяца назад.
— До или после того, как ты взял деньги?
— После.
— Через сколько?
— Через шесть дней.
Она уставилась на него.
— Я не думаю, что это связано, — сказал он.
Она едва не рассмеялась.
— Конечно, не думаешь.
— Он не знал, что я их взял.
— Откуда ты знаешь?
— Я был осторожен.
— Это становится опасной фразой.
Он поднялся.
— Ты поможешь мне или нет?

Она долго смотрела на него, потом подошла к окну, и на этот раз он её не остановил. Она отодвинула штору не больше чем на дюйм и выглянула. Десять секунд. Пятнадцать. Потом отпустила.

— Что? — спросил он.

Она не ответила. Пересекла комнату, выключила настольную лампу и осталась стоять в темноте.

— Мара?

— Тихо.

Он подчинился, не задавая вопросов. Она подошла к другому окну, подождала, вернулась к первому. Глаза привыкли.

— Что ты видишь?

— Возможно, ничего.

— Это не помогает.

— Ты тоже.

Она посмотрела ещё раз и отступила.

— На той стороне улицы машина.

У него сжалось сердце.

— Тёмный внедорожник?

— Нет.

— Что тогда?

— Седан.

— Я видел такой раньше.

— Водитель?

— Не разглядеть.

— Полиция?

— Может быть.

— Hale?

— Может быть.

— Человек Нейтана?

Она обернулась.

— Тоже может быть.

Скорость, с которой умножалась неопределённость, его бесила. Она вернулась к столу и снова включила лампу.

— Вот чего мы делать не будем. Мы не потащим три мешка наличных через твою парадную дверь, пока кто-то смотрит.

— Естественно.

— Мы не положим их в мою машину.

— Хорошо.

— И мы не устроим идиотское разбитое окно в расчёте на то, что все вокруг тупые.

— Я не говорил…

— Хорошо.

Она ходила по комнате, пока думала, трогала предметы, меняла углы. Сосредотачиваясь, она никогда не замирала — всегда становилась физической, будто мысли нужно место на полу. Она остановилась у сейфа.

— Сколько весит?

— Около тридцати трёх фунтов всего.

Она посмотрела на него.

— Ты взвешивал.

— Да.

— Конечно взвешивал.

Он пропустил это мимо себя.

— Ты поможешь?

Она посмотрела на деньги, потом на фотографию Майкла, потом на него.

— Если я скажу «да», ты понимаешь, что это значит?

— Да.

Она подошла ближе.

— Нет, не понимаешь. Это значит, что я в этом. Не твой консультант. Не бывшая. Не номер на случай беды.

— Я понимаю.

— Если приедет полиция, я лгу.

Он промолчал.

— Если приедет Hale, мне, возможно, придётся сделать кое-что похуже лжи.

— Мара…

— И если ты солгал мне о чём-то важном, я ухожу.

— Я не солгал.

Она грустно улыбнулась.

— Дэниел. Ты лгал мне целый год, пока мы были влюблены.

— Это было другое.

— Именно поэтому мне нужно правило.

Он посмотрел на неё.

— Какое правило?

— Никаких сюрпризов.

— Я рассказал тебе всё.

— Нет. Ты рассказал то, что, по-твоему, мне нужно.

— Это неправда.

— Тогда скажи.

— Что сказать?

— Самое худшее. То, что ты придержал, потому что боишься, что это изменит мой ответ.

Он не заговорил. Она ждала. Десять секунд, потом двадцать.

Наконец он подошёл к столу, открыл нижний ящик и достал тонкий чёрный конверт. Положил перед ней. Она его не тронула.

— Что это?

— Часть причины, по которой я взял деньги.

Она открыла конверт. Шесть распечатанных фотографий. На первой — бетонная опора. На второй — крупный план трещины. На третьей — страница инженерного отчёта.

Она прочитала заголовок, и её лицо изменилось.

— Откуда это у тебя?

— Оттуда же, что и финансовые записи.

Она перевернула страницу. Потом ещё одну. На последней фотографии была обрушенная конструкция после аварии, участок обведён красным.

Она на полсекунды перестала дышать. Он это увидел.

— Что?

Она не ответила ему вовсе.

— Мара?

Она снова посмотрела на снимок. Потом на него.

— Кто ещё это видел?

— Никто.

— Уверен?

— Да.

— Цифровые копии?

— Зашифрованы.

— Где?

— Я же говорил…

— Где?

Он замялся дольше, чем собирался.

— Облачное хранилище. Раздельный доступ.

Её взгляд вернулся к фотографии. Что-то было не так.

— Что? — спросил он.

Она убрала фотографии обратно в конверт.

— Ничего.

— Это было не «ничего».

Она взяла со стула пальто.

— Мара.

— Мне нужно позвонить.

— Кому?

— Тому, кто может знать, не больше ли твоя катастрофа, чем ты думаешь.

— Нет.

Она посмотрела на него.

— Нет?

— Ты сказала — никаких сюрпризов.

— Сказала.

— Тогда скажи кому.

Она удержала его взгляд, потом улыбнулась, и он совсем не смог прочитать это выражение.

— Интересно.

— Что?

— Ты мне тоже не доверяешь.

— Я этого не говорил.

— И не надо было.

Она надела пальто. Он шагнул к ней.

— Куда ты?

— На улицу.

— Ты только что сказала, что за нами следят.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что если кто-то следит за твоим домом, я хочу знать, важно ли им, что я приехала.

Он нахмурился, не понимая.

— Как?

Она застегнула молнию на пальто.

— Уйдя.

— Уйдя.

— В этом нет смысла.

— Он и не должен быть понятен тебе.

— Мара.

Она остановилась у двери.

— Если бы завтра тебе пришлось выбирать между мной и деньгами, — сказал он, — что бы ты выбрала?

Он сам не знал, зачем спросил. Может, из страха. Может, потому что прошлое вошло в комнату и ему хотелось вернуть хоть кусок.

Она долго смотрела на него.

— Сначала ты.

— Что?

— Если бы завтра тебе пришлось выбирать между мной и деньгами.

— Тебя.

Вышло быстро. Слишком быстро.

Её лицо смягчилось. Она не поверила: именно этого она и ждала.

— Ты всегда находишь правильный ответ слишком поздно.

Она открыла дверь кабинета, и он почувствовал старую боль под рёбрами.

— Мара.

Она обернулась в дверях.

— Ты вернёшься?

Пауза. Потом она коснулась одного из маленьких золотых колец в левом ухе.

— Возможно.

Она спустилась. Он слушал, как закрылась входная дверь, подождал пять секунд и подошёл к окну. Тёмный седан всё ещё стоял на другой стороне улицы с выключенными фарами.

Мара вышла на тротуар. На машину не взглянула. Прошла мимо собственной. Пошла дальше, свернула налево на углу и исчезла.

Он смотрел на пустой тротуар. Прошло тридцать секунд. Потом у седана зажглись фары, он отъехал от бордюра, свернул налево на том же углу и поехал за ней.

Он потянулся за телефоном. Прежде чем он успел позвонить, пришло сообщение.

Сообщение было от Мары: «Не связывайся со мной».

Следом пришло второе.

«Кто-то клюнул на приманку».

Он прочитал дважды. Потом пришло третье, и из-за него он сел.

«И, Дэниел, — Hale не то, чего тебе стоит бояться».

Глава 5

Мары не было двадцать три минуты, и Дэниел знал это точно, потому что считал их, убеждая себя, что оценивает риск.

Первые минуты были содержательными. Третья: она проверяет хвост. Седьмая: она компетентна и годами занималась этим профессионально. К одиннадцатой содержание свернулось в «не надо было просить её приезжать», к пятнадцатой — в «если что-то случится, позвоню Нейтану», и это держалось до восемнадцатой, когда он признался себе, что понятия не имеет, о скольком Нейтан молчит.

На двадцатой он представил, что она просто решит не возвращаться, и это ранило сильнее перспективы ареста.

Ему не понравилось, что открывало это сравнение. Восемь лет назад Мара вышла из его дома после ссоры ровно об этом инстинкте: Дэниел превращал чувство в последовательность, пока оно не становилось проектом, которым можно управлять. Это была их вторая попытка. Первая кончилась двадцать лет назад, когда Мара перестала ждать, что он уйдёт от жены; вторая началась через год после его развода, продлилась три года и кончилась здесь.

«Ты не доверяешь людям, — сказала она тогда. — Ты доверяешь своей способности предсказывать, что они сделают».

Он ответил, что она сама зарабатывает расследованиями. Технически безупречный ответ и эмоциональная катастрофа, которой он гордился почти двенадцать минут. Потом она ушла, и они не разговаривали восемь лет.

Теперь он позвонил ей, потому что за стеной лежали полтора миллиона, а обыск мог начаться в любую минуту. Это можно было подать как чистую оперативную логику — единственный знакомый ему человек, способный проверить слежку, двигаться незаметно и разбираться в корпоративной безопасности. Всё правда, и ничто из этого не объясняло, почему он выбрал единственного человека, чьё мнение о нём всё ещё умело причинять боль.

Он дважды проверил окно кабинета, трижды камеры и один раз сообщения от Нейтана, хотя новых не было. В 0:49 налил ещё скотча и не выпил. В 0:53 перечитал два её последних сообщения.

«Кто-то клюнул на приманку».

«И, Дэниел, — Hale не то, чего тебе стоит бояться».

В 0:57 седан вернулся, на этот раз с востока. Он смотрел из тёмной гостевой спальни, а не из кабинета, и счёл это признаком улучшения своего мышления — и одновременно признаком того, как далеко это мышление ушло за два часа. Машина притормозила у дома и не остановилась. Он различил только силуэт водителя. Мужчина, как ему показалось, или просто широкие плечи. Седан доехал до перекрёстка и исчез.

В 1:00 он позвонил ей, и звонок сразу ушёл на голосовую почту. Сообщения он не оставил. В 1:01 позвонил снова. Голосовая почта.

В 1:04 он спустился, отпер входную дверь и открыл её.

Улица была пуста. Пошёл холодный дождь, едва гуще мороси, и мостовая держала жёлтый свет фонарей.

— Мара?

Ничего. Он шагнул на крыльцо и замер, потому что голос за спиной произнёс:

— Ты ужасно плохо выполняешь инструкции.

Он развернулся так резко, что задел плечом дверную раму. Мара стояла в дальнем конце прихожей, в дверях кухни, с мокрыми волосами и одной серёжкой.

— Как ты вошла?

— Твоя боковая калитка по-прежнему плохо защёлкивается.

— Это не ответ.

— Дверь на кухню отвечает.

— Она была заперта.

— Была.

Он закрыл входную дверь.

— Ты вломилась ко мне в дом?

— Я вошла в твой дом.

— Через запертую дверь.

— Ты меня пригласил.

— Это не значит…

— Дэниел.

Что-то в её голосе остановило его, и тогда он увидел кровь на правой руке — заметил только потому, что она потянулась за кухонным полотенцем.

— Что случилось?

— Забор.

— Ты истекаешь кровью.

— Заметила.

— Дай посмотрю.

— Я в порядке.

— Мара.

Она посмотрела на него, и на мгновение прежний ритм вернулся так полно, что он чуть не забыл про деньги наверху. Он протянул руку.

— Дай посмотрю.

Она вздохнула и подала ему ладонь. Порез шёл наискось через основание — неглубокий, но достаточно длинный, чтобы впечатляюще кровить. Он достал аптечку из-под мойки.

— Ты до сих пор держишь её там.

— Ты помнишь, где я держу бинты?

— Ты вечно резался, когда готовил.

— Я больше не готовлю.

— Вот почему лимоны так и лежат без дела.

Он обработал рану, и она поморщилась.

— Прости.

— Нет, не прости.

— Прости.

— Тебе нравится быть полезным.

Он поднял взгляд — она улыбалась, едва заметно. Он забинтовал ей руку, и пальцы коснулись внутренней стороны запястья. Она замерла, и он почувствовал её пульс под большим пальцем.

Ни один не пошевелился.

Восемь лет исчезли самым глупым возможным способом. Ни поцелуя, ни признания: большой палец на запястье и кровь на кухонном полотенце.

Она первой убрала руку.

— Спасибо.

Он закрыл аптечку.

— Что случилось?

— Я прошла три квартала.

— И?

— Седан поехал за мной.

— Уверена?

— Я останавливалась дважды. Он останавливался дважды.

— Водитель?

— Не разглядела.

— Полиция?

— Понятия не имею.

— Hale?

— Понятия не имею.

— Нейтан?

— Возможно.

Он нахмурился, не веря услышанному.

— Ты думаешь, Нейтан мог установить за мной слежку?

— Я думаю, ты совершил новичковую ошибку и поделил мир на тех, кто за тебя, и тех, кто против.

— Нейтан мой друг.

— Как и я была, — сказала она достаточно легко, чтобы он мог пропустить это мимо, что, вероятно, и было замыслом.

Он пропустил это мимо себя.

— Куда ты ходила?

— Вокруг квартала.

— Тебя не было двадцать три минуты.

— Ты считал?

— Нет.

— Двадцать три?

Он промолчал. Она открыла холодильник.

— У тебя есть еда?

— Это мы будем обсуждать?

Она заглянула внутрь.

— Я не ела с шести. Судя по всему, ты тоже — с две тысячи девятнадцатого.

— Там есть яйца.

— Это уже не яйца.

Он закрыл холодильник.

— Мара.

Она прислонилась к столешнице.

— Машина ехала за мной. Когда я срезала между двумя домами, она объехала квартал. Я вернулась через задний переулок.

— И вломилась ко мне на кухню.

— Я хотела понять, отреагирует ли кто-нибудь на моё исчезновение.

— И отреагировали?

— Седан вернулся.

— Я видел.

— Хорошо.

— И что это нам даёт?

— Почти ничего.

Он уставился на неё.

— Ты рисковала арестом ради почти ничего?

— Нет. Это даёт нам то, что следящий достаточно заинтересован, чтобы поехать за женщиной, выходящей из твоего дома после полуночи.

— Значит, они тебя знают.

— Или не знают.

— Это бесполезно.

— Реальность часто бесполезна.

Она прошла мимо него к лестнице, и он двинулся следом.

— Куда ты?

— Ещё раз посмотреть на твою катастрофу.

В кабинете она закрыла дверь и сразу подошла к трём мешкам. Присела, открыла каждый, и на этот раз смотрела на деньги не как на деньги. Доставала пачки, проверяла обёртки, номера, метки — работала с той плоской сосредоточенностью, с какой делают опись в комнате, которая, возможно, горит.

— Ты что-то знаешь, — сказал он.

— Я кое-что подозреваю.

— О Hale?

— О людях.

— Расплывчато даже для тебя.

Она подняла пачку.

— Знаешь, что преступники ненавидят?

— Полицию?

Она повертела пачку в руке.

— Неопределённость. Деньги — это просто. Записи — сложно. Люди — хуже всего.

— К чему ты клонишь?

— Если Hale знает, что ты их взял, почему они до сих пор за тобой не пришли?

— Может, не знают.

— Тогда кто за тобой следит?

— Полиция.

— Может быть.

— Ты ходишь кругами.

Она положила деньги.

— Нет. Это ты ходишь. Давай начнём с того, что ты обходишь.

— С чего?

— С того, как ты их нашёл.

— Я тебе рассказал.

— Нет. Ты рассказал, что существовал неучтённый фонд.

— Да.

— Как судебный бухгалтер, проверяющий уже не существующую строительную компанию, оказывается перед полутора миллионами долларов наличными?

Он отвёл взгляд, и она стала ждать. Молчание с ней никогда не работало, и он это знал.

— Я вёл консалтинговый проект.

— Для Hale?

— Для дочерней компании.

— Когда?

— Давно.

Она перестала двигаться совсем.

— Насколько давно?

Он не ответил. Её глаза сузились.

— До смерти Майкла?

— Да.

Комната словно стала меньше. Она медленно поднялась.

— Ты работал на них до обрушения.

— Да.

— Ты никогда мне этого не говорил.

— Это было неважно.

Её лицо изменилось — пока не гнев, что-то ближе к недоверию.

— Неважно?

— Это было рутинное задание.

— Что ты делал?

— Финансовый контроль.

— Для Hale.

— Для Calder Development. Hale тогда владел сорока процентами.

— Что ты нашёл?

Он посмотрел на фотографию Майкла, и это было ответом. Она проследила за взглядом и поняла, что это ответ.

— О.

— Мара…

— Что ты нашёл?

— Платежи.

— Кому?

— Консультантам.

— Каким консультантам?

— Я не знал.

— Люди, которые действительно не знают, говорят не так.

Он потёр переносицу.

— Это было четырнадцать лет назад.

— Ты помнишь.

— Да.

— Тогда отвечай.

— Несколько платежей прошли через мелкие инженерно-консультационные фирмы.

— Сколько?

— Около шестисот тысяч за полтора года.

— За что?

— В счетах было расплывчато.

— И ты их отметил.

— Да.

— Что произошло?

— Клиент дал объяснения.

Она уставилась на него.

— Какие объяснения?

— Осмотр объекта. Ускоренное согласование. Местный консалтинг.

— Ты им поверил?

Он не ответил. Она сделала шаг к нему.

— Дэниел.

— Не полностью.

Вот оно. Он четырнадцать лет носил эти слова в себе, но вслух они прозвучали ничтожно по сравнению с тем, что за ними стояло.

Она заговорила тише.

— Что ты сделал?

— Я рекомендовал усилить контроль.

— Я не об этом спросила.

— Я задокументировал проблему.

— В итоговом отчёте?

Он посмотрел на неё, и она уже знала.

— Нет. — Слово едва вышло из него.

— Почему?

— Улик было недостаточно.

— Почему?

— Потому что их не было.

— Почему?

Он почувствовал, как жар поднимается к лицу.

— Партнёр по проекту счёл формулировки слишком резкими.

— А ты?

— Согласился.

— Правда?

— Тогда — да.

— Ты верил, что платежи законны?

Он посмотрел на сейф.

— Нет.

Дождь стучал по стеклу. Её лицо побледнело.

— Что было потом?

— Ничего.

— Ничего.

— Контроль ужесточили. Клиент подписал заявления. Мы закрыли проект.

— И тебе заплатили.

— Да.

— Сколько?

— Это неважно.

Она засмеялась один раз.

— Ты правда обожаешь это слово.

Его снова охватила злость.

— Это было профессиональное решение.

— Ты считал платежи подозрительными.

— Да.

— Ты смягчил отчёт.

— Да.

— Почему?

— Я же сказал. Улики…

— Нет. Почему? — спросила она, подойдя ближе.

Он не ответил, и она стала ждать.

Он мог солгать. Он точно знал, какая ложь сработает — не на ней, на нём самом, потому что он пользовался ею четырнадцать лет и она не подводила ни разу. «Улик было недостаточно. Клиент нашёл бы другую фирму. Даже с профессиональной точки зрения к формулировке было трудно придраться. Решение принимали старшие партнёры. Я был одним из команды». Ни слова неправды. Именно поэтому она столько прожила.

— Потому что я хотел удержать клиента, — сказал он.

Её лицо не изменилось.

— Мне было сорок. Я только что стал партнёром. Calder должен был привести к Hale, а Hale был одним из крупнейших счетов в регионе.

— И привёл?

— Да.

— Ты их удержал.
— Да.
— Ты заработал.
— Да.
— Сколько?
— За все годы?
— Да.
— Не знаю.
— Прикинь.
— Два миллиона. Может, больше.
Она закрыла глаза, ненадолго, и когда открыла, в них была злость.
— А потом умер Майкл.
— Восемь лет спустя.
— На объекте Hale.
— Да.
— И ты выяснил, что инспекции были скомпрометированы.
— Да.
— Теми же людьми?
— Не знаю.
— Дэниел.
— Не знаю.
— Ты думаешь, платежи, которые ты похоронил, связаны с этим?
— Я их не хоронил.
Он услышал это, едва договорив, и возненавидел себя. Она медленно кивнула.
— Вот и он.
— Что это значит?
— Человек, который всегда найдёт более чистый глагол.
— Я ничего не хоронил.
— Ты убрал это из итогового отчёта.
— Потому что не мог подтвердить…
— Ты считал, что это неправильно.
— Да.
— И заставил это исчезнуть.
— Я принял профессиональное решение.
Она посмотрела на мешки, и когда заговорила снова, голос стал почти мягким, что было хуже злости.
— Нет. Ты принял моральное решение и использовал профессию, чтобы его переименовать.
Ему нечем было ответить, и именно поэтому слова Мары попали в самую точку. Она подошла к окну и несколько секунд стояла к нему спиной.
— Я думал об этом каждый день с тех пор, как умер Майкл, — сказал он.
Она обернулась.
— Нет, не думал.
Он уставился на неё.
— Ты каждый день с тех пор, как умер Майкл, старался об этом не думать.
Он отвёл взгляд, потому что это была правда и потому что он ни разу не формулировал её так. Её злость смягчилась, но не до прощения. Скорее до понимания. Она знала эту территорию, и он видел, что знала.
— Что?

— Ничего.

— Ты и раньше так делала.

— Как?

— Меняла лицо и молчала.

— Дело не во мне.

— Может, должно быть.

— Нет.

— Ты хочешь полной честности.

— Я хочу правду о том, что может отправить нас обоих в тюрьму.

— Ты просишь довериться тебе целиком, пока сама держишь своё при себе.

Она улыбнулась без всякого тепла.

— Ты всё ещё считаешь близость контрактом.

— Что сделала ты?

— Ошибки.

— Какие?

— Такие, что я вспоминаю их в три часа ночи.

Он стал ждать. Она удержала его взгляд, потом посмотрела мимо, на фотографию Майкла.

— Однажды я помогла уничтожить человека, который этого не заслуживал.

Он ничего не сказал.

— Я работала в службе безопасности фармацевтической компании. Дело о внутренней краже. Им нужно было убрать старшего исследователя.

— Почему?

— Он собирался сообщить о данных испытаний.

— И?

— Мне дали улики.

— Настоящие?

— Часть.

— Часть?

— Достаточно, чтобы построить историю.

Он понял раньше, чем она договорила.

— Ты знала.

— Не сразу.

— Когда узнала?

— До того, как всё закончилось.

— И продолжила.

— Да.

— Почему?

Она засмеялась — тихо, одним выдохом.

— Тебе профессиональный ответ или честный?

— Честный.

— Мать болела. Сбережений не было. Я на шесть недель отставала с оплатой её ухода. Компания предложила мне постоянную работу, если я закрою расследование.

Он смотрел на неё.

— И ты закрыла.

— Да.

— Что с ним стало?

— Уволили. Иск. Развод.

— Он знал, что ты в этом участвовала?

— Да.

— Он когда-нибудь…

— Он покончил с собой три года спустя.

Дэниел замер, и её взгляд стал жёстким прежде, чем он успел что-либо сказать.

— Не надо.

— Что?

— Не делай такое лицо.

— Я не…

— Ты собирался меня оправдать.

— Я хотел сказать, что ты не причина…

— Именно. Мы прекрасно умеем находить точку, где заканчивается наша ответственность, — сказала она, глядя на деньги.

Он промолчал. Она тронула повязку на руке.

— Я говорила себе, что он сам сделал свой выбор. Это правда. Говорила себе, что компания нашла бы кого-то другого. Тоже правда. — Пауза. — Говорила себе, что маме нужна была я. — Её голос изменился. — И это тоже было правдой.

Она посмотрела на три мешка.

— Самая опасная ложь целиком собрана из правдивых деталей.

Несколько секунд оба молчали.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил он наконец.

— Потому что если я сегодня тебе помогу, мне нужно знать, не повторяю ли я то же самое.

— Не повторяешь.

— Не тебе решать.

— Я не прошу тебя губить невиновного.

Она посмотрела на деньги.

— Нет. Ты просишь помочь виновному.

Он почти возразил, потом не стал, и она это заметила.

— Прогресс.

Он сел на край стола.

— Что нам делать?

Она изучающе на него посмотрела.

— Ты правда хочешь мой ответ?

— Да.

— Отдай деньги адвокату. Расскажи ему всё.

— Нет.

— Тогда позвони в государственные органы.

— Нет.

— Тогда спустись, открой дверь и жди.

— Нет.

Она кивнула.

— Хорошо. Мы выяснили, что законного решения ты не хочешь.

— Я хочу решение, которое можно пережить.

Она снова присела у денег.

— Это часто разные вещи. Есть ещё одна проблема.

— Какая?

— Если Нейтан прав и у них уже есть доказательства, что деньги были здесь, их исчезновение ничего не стирает.

— Знаю.

— Правда?

— Да.

— Потому что по твоему первоначальному плану видно: ты считаешь, что пустой сейф означает невиновность.

— Не считаю.

— Хорошо.

— Он даёт мне время.

— Может быть.

— И неопределённость.

— Для всех, включая тебя.

— Что бы сделала ты?

Она помолчала, потом застегнула первый мешок.

— Очевидное решение — заставить деньги двигаться, не заставляя двигаться тебя.

Он нахмурился, не улавливая.

— Как?

— Я сказала «очевидное», а не «лёгкое». Ещё нам нужно знать, кто следит, — сказала она, застёгивая второй.

— Как?

— Дать им повод отреагировать.

Он скрестил руки.

— Мы уже дали.

— Нет. Мы дали им меня.

— И они поехали.

— Да.

— Что ещё?

Она посмотрела на сейф, потом на него.

— Мы отдадим им деньги.

Он не мог перестать на неё смотреть.

— Что?

— Не настоящие.

До него дошло.

— Приманку.

— Может быть.

— Как мы создадим…

— Пока не знаю.

— Ты только что сказала…

— Я сказала «может быть».

Она подошла к столу и взяла фотографию Майкла, и он почувствовал, как напрягается. Она посмотрела на двух братьев.

— Есть ещё кое-что.

— Что?

— Ты взял эти деньги, потому что считаешь, что Hale тебе должен.

— Должен.

Она вернула фотографию точно на прежнее место. Дэниел заметил это: Мара следила не только за деньгами.

— Нет. Они, возможно, должны семье Майкла. Возможно, обществу. Возможно, людям, о которых ты не слышал. Но это не то же самое, что быть должным тебе, — сказала она, посмотрев на него.

Ему захотелось возразить, но он сдержался. Мара заметила и это.

— Что бы сегодня ни случилось, — сказала она, — помни об этом.

— Зачем?

— Потому что если мы выберемся, тебе придётся решить, чего ты хочешь на самом деле.

Он посмотрел на мешки.

— Я хочу, чтобы Hale разоблачили.

— Может быть.

— Хочу.

Она подошла совсем близко — так, что он почувствовал запах дождя в её волосах.

— А если завтра Hale разоблачат, а деньги всё ещё будут лежать здесь?

Он не ответил. Её взгляд держал его.

— Вот вопрос, которого ты на самом деле боишься.

На секунду ему показалось, что она может его поцеловать, и мысль была настолько внезапной и настолько неуместной, что разозлила его. Возможно, она это увидела. Возможно, у неё была та же мысль.

Ни один не двинулся. Потом она отступила.

— Принеси мне все бумаги, какие у тебя есть по фонду Hale.

Он выдохнул.

— Зачем?

— Потому что прежде чем я помогу тебе украсть твои же краденые деньги, я хотела бы знать, из-за чего нас могут убить — из-за наличных или из-за чего-то, чего ты до сих пор не понимаешь, — сказала она и посмотрела на фотографию Майкла.

Он открыл ящик стола.

* * *

Через улицу подъехала ещё одна машина. Внутри мужчина поднял телефон, сделал один снимок дома Дэниела и отправил сообщение из двух слов.

ОНА ВЕРНУЛАСЬ.

Глава 6

В 1:44 ночи Мара сказала ему, что проще всего вывезти полтора миллиона из дома под наблюдением — не вывозить их вообще.

Дэниел ненавидел этот план: он требовал от него бездействия. После звонка Нейтана каждая мысль в его голове приходила в форме действия: перевезти деньги, перегнать машину, позвонить Маре, проверить камеры, уничтожить записи, выстроить историю. Делать что-то означало превращать страх в продуктивность, и на этом он держался последние два часа.

Её решение требовало обратного. Оставить деньги на месте. Дать наблюдающим поверить, что он всё ещё решает. При необходимости использовать приманку поменьше. Заставить того, кто придёт, показать, что он уже знает.

Он слушал это и чувствовал, как у него сжимается грудь.

— Ты просишь меня ждать людей, у которых, возможно, есть ордер.

— Нет. Нейтан сказал, что ордер, возможно, будет.

— Разница без утешения.

— Всё равно разница.

Он посмотрел на три мешка. Брезент был уродливый, коммерческий и совершенно лишённый тайны. Он ожидал, что за четыре месяца краденые деньги станут абстракцией, а они стали ещё физичнее: он знал, какая молния заедает, у какого мешка одна ручка чуть длиннее другой, какая пачка лежит криво, потому что он пересчитывал её дважды и неаккуратно вернул ленту.

Мара смотрела, как он ведёт большим пальцем по брезенту.

— Ты часто их трогал. Как часто?

— Достаточно.

— Это не был вопрос.

Он поднял взгляд.

— Не знаю.

— Знаешь.

Он знал. Сначала это было каждые несколько дней, потом раз в неделю. Иногда после плохой встречи. Иногда после очередной статьи о Hale. Один раз — после ссоры с Тесс, в чём не было никакой рациональной логики: он поднялся тогда сюда, открыл сейф и смотрел на деньги, не трогая их, и не спросил себя зачем.

— Ты ими пользовался, — сказала Мара.

— Я не потратил ни доллара.

— Я не сказала «потратил».

Он уставился на неё через разложенные бумаги.

— Ты пользовался ими, чтобы история не была чем-то, что просто с тобой происходит.

Ему хотелось отмахнуться от этого как от любительской психологии. Мешало то, что за вечер она набрала достаточно доказательств, чтобы отмахиваться стало дорого.

Он посмотрел на сейф.

— Поэтому ты думаешь, что я их украл?

— Я думаю, ты украл их по нескольким причинам.

— Удобно.

— По-человечески.

Он откинулся на край стола.

— А если я скажу, что всегда собирался их вернуть?

— Я спрошу когда.

— Когда пойму, с чем они связаны.

— А если бы ты так и не понял достаточно?

Ответа у него не нашлось, и она кивнула так, будто он всё-таки ответил.

— Вот для чего нужно «потом».

Это было всего лишь слово, но оно уже несло в себе всю проблему. Он снова посмотрел на деньги, и ожидание перестало казаться пассивным: оно означало остаться в комнате с соблазном, который он четыре месяца называл уликой.

— У тебя было сорок минут, и это всё, что ты придумала?

— У меня было сорок минут, полстакана скотча, порезанная рука и четырнадцать лет твоей нераскрытой этической истории.

— Продуктивный вечер.

— Я только начала.

К тому моменту они сидели на полу, между ними три мешка. Он принёс всё, что у него оставалось по Hale Group: распечатанные письма, старые рабочие заметки, обрывки финансовых отчётов, копии счетов, фотографии инженерных записей, схемы корпоративной структуры. Она разложила это стопками, и не по хронологии.

Он спросил почему. Она сказала, что хронология — это то, как люди рассказывают историю, когда уже знают, что произошло, а ей нужны сначала связи, а даты потом.

Метод ему не нравился, что, вероятно, и было причиной, по которой она его применяла.

Она постучала по одному из старых счетов.

— Calder Development заплатила Redmont Engineering восемьдесят шесть тысяч долларов.

— Да.

— За что?

— Комплаенс-консалтинг.

— То есть?

— Не знаю.

— Тогда почему они заплатили ровно восемьдесят шесть тысяч?

Он пожал плечами, и она повернулась к нему.

— Ты не пожимаешь плечами.

— Пожимаю.

— Нет. Плечами пожимают другие люди. Ты производишь оговорки.

— Я не понимаю, чего ты от меня хочешь.

— Хочу, чтобы ты перестал отвечать как бухгалтер.

— Я и есть бухгалтер.

— Это становится всё очевиднее.

Она положила рядом второй счёт. Тот же поставщик, другая сумма.

— Сорок четыре тысячи.

— Да.

— А этот?

— Семьдесят две.

— То же описание.

— Да.

— Тот же квартал?

— Да.

Она выложила рядом четвёртый, и он нахмурился.

— Этого я не помню.

— Ты его распечатал.

— Много лет назад.

— Зачем?

Он наклонился к бумаге ближе. Другой поставщик — Ridgeway Municipal Consulting, тридцать восемь тысяч пятьсот, — а потом он увидел дату и остановился.

Она следила за его лицом.

— Что?

— Ничего.

— Это было не «ничего».

— Дата.

— И что с ней?

— За три недели до инспекции объекта.

— Какого объекта?

Он посмотрел на фотографию Майкла, и она пошла взглядом туда же.

— Того, где он погиб?

— Да.

Она подняла счёт.

— Кто такие Ridgeway?

— Возможно, пустышка. Маленькая консультационная фирма.

— Кому принадлежала?

— Не помню.

— Выясни.

— Сейчас?

— Да.

— Мара, почти два часа ночи.

— И полтора миллиона долларов лежат у тебя на полу.

Он открыл ноутбук, и она смотрела, как он печатает, ровно четыре секунды.

— Нет.

Он остановился на полуслове.

— Что?

— Не с домашнего подключения.

— Ты думаешь, они мониторят интернет-трафик?

— Я думаю, мы понятия не имеем, что они мониторят.

— Ордера работают не так.

Она улыбнулась.

— Ты исходишь из того, что снаружи стоит полиция.

Он закрыл ноутбук.

— Тогда чем мне пользоваться?

— Пока ничем.

Она достала телефон, и он сразу сказал:

— Ты велела мне ни с кем не связываться.

— Я велела не связываться со мной.

— Кому ты звонишь?

— Никому.

Она открыла заметки и набрала название компании, и он наблюдал.

— Ты составляешь список.

— Да.

— Чего?

— Того, о чём ты забыл полюбопытствовать.

Он прислонился спиной к краю стола.

— Тебе это нравится.

— Что?

— Быть правой.

— Далеко не так сильно, как тебе.

Она продолжала печатать, не поднимая головы. Он смотрел на счета и обнаруживал, что вспоминает детали, о которых поклялся бы, что они ушли. Четырнадцать лет проект был размытым пятном из встреч, таблиц и аудиторских следов, а теперь возникли переговорная на восемнадцатом этаже, дешёвый кофе в бумажных стаканах, вице-президент по имени Пол и голос его партнёра:

«Не превращай проверку контроля в расследование коррупции».

Тогда он согласился. Он считал совет профессионально здравым, и, вероятно, тот и был здравым. Беда в том, что память продолжала работать над этой фразой после смерти Майкла, и теперь она звучала не как совет. Она звучала как признание при свидетеле.

— Ты опять это делаешь, — сказала Мара.

— Что?

— Уходишь из комнаты. Ты смотришь на что-нибудь и исчезаешь.

— Я думал.

— О чём?

— О проверке.

— Конкретно?

Он замялся, и она молча переждала его.

— Там была встреча.

— С кем?

— Мой партнёр по проекту. Финансовая команда Hale.

— Имена.

— Ричард Белл. Пол Мерсер. Ещё двое.

— Мерсер.

— Да.

Она перестала печатать, и он увидел, что она перестала.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Ты отреагировала.

— Я узнала имя.

— Откуда?

— Из Hale.

— Это не ответ.

— Ты хочешь вести этот спор каждые шесть минут?

— Если ты будешь так делать — да.

— Пол Мерсер стал директором по рискам в Hale через три года после твоей проверки, — вздохнула она.

— Я знаю.

— А после обрушения исчез из публичной отчётности.

Он нахмурился.

— Ушёл на пенсию.

— Может быть.

— Ты сказала, что не знаешь его.

— Не знаю.

— Тогда откуда тебе это известно?

— Потому что, в отличие от тебя, я читаю то, что меня пугает.

Он не мог перестать на неё смотреть.

— Что именно?

— Публичную отчётность. Судебные записи. Страховые споры.

— Зачем?

Она промолчала, и он выпрямился.

— Мара.

Она снова посмотрела на фотографию Майкла, потом на бумаги.

— Моя сестра погибла при обрушении.

Он поднял голову от бумаг.

— Что?

— Третий этаж. Она работала на арендатора, не на подрядчика. О ней никто не писал.

Он смотрел на неё, пока шесть лет незнания перестраивались меньше чем за секунду.

— Ты мне не говорила.

— Мы не разговаривали.

— Мара…

— Ты думал, я шесть лет ничего не делала?

Под рёбрами начало медленно давить.

— Ты расследовала Hale.

— Я смотрела.

— Насколько?

— Достаточно.

— И ничего мне не сказала.

— Ты не спрашивал.

— Я до сегодняшнего вечера не знал, что твоя сестра была там.

Лицо у неё напряглось.

— Потому что, когда она умерла, мы уже не разговаривали.

Он ничего не сказал. В этой фразе было больше обвинения, чем она, вероятно, вложила, — или ровно столько.

— Что ты нашла?

— Очень мало из того, что выдержит суд.

— Всё равно скажи.

— Потом.

— Нет.

— Дэниел.

— Ты стоишь в моём доме и говоришь, что мне нужно быть полностью честным.

— А ты пытаешься превратить это во взаимность.

— Это и есть взаимность.

— Нет. Это выживание.

Он поднялся.

— Значит, про Мерсера ты знала.

— Да.

— Что ещё?

Она смотрела на него несколько секунд, потом положила телефон на стол.

— Через два месяца после обрушения Мерсер переписал дом в Коннектикуте на жену.

— И?

— Через три месяца она его продала.

— Так бывает.

— На тридцать восемь процентов ниже рынка.

Выражение его лица изменилось прежде, чем он успел это остановить, и она увидела.

— Вот теперь ты слушаешь.

— Кому она продала?

— Компании, зарегистрированной в Делавэре.
— Название?
— East River Holdings.
— Бенефициар?
— Скрыт.
— Этого мало.
— Знаю.
— Что-то ещё?
— Дочь Мерсера на следующий год поступила в аспирантуру в Швейцарии.
Он нахмурился.
— Это относится к делу?
— Может, и нет.
— Тогда зачем упоминать?
— Потому что обучение оплатил благотворительный фонд.
— Какой?
— Фонд Рена.

Он не ответил, потому что знал это имя. Его знали все. Блейк Рен был одним из крупнейших застройщиков Восточного побережья. К Hale Group он не относился и, судя по всем составленным Дэниелом схемам корпоративных связей, официально с ней никак не был связан. Но что-то было. Совместный проект, много лет назад.

Он потянулся за одной из корпоративных схем.
— У Рена была миноритарная доля в Calder Development.
— Шестнадцать процентов.
— Ты уже знала.
— Да.
— И ничего не сказала.
— Я ждала, скажешь ли ты.
— Похоже на проверку.
— Это она и была.
— Я думал, мы это прошли.
— Мы и близко это не прошли.
Он уронил схему на пол.
— Значит, теперь две компании.
— Их всегда было больше двух.
Он посмотрел на деньги, и она посмотрела туда же.
— Поэтому я и не думаю, что наличные — важная часть.
— А что важно?
— Не знаю.
— Замечательно.
Она вынула пачку из открытого мешка и держала её без особого интереса.
— Но кто-то знает. Подумай. Если Hale потерял полтора миллиона из неучтённого фонда, это больно. Это не объясняет слежку, исчезающих сотрудников, старые инженерные записи и людей, которые продолжают двигаться через шесть лет после того, как здание рухнуло.
— Ты исходишь из того, что это связано.
— Да.
— На основании чего?
— Поведения.
— Чьего?
— Твоего.

Он нахмурился, и она положила деньги.

— Ты нашёл что-то, что напугало тебя достаточно, чтобы украсть наличные вместо обращения к государству.

— Я объяснил почему.

— Ты сказал, что хотел рычаг.

— Да.

— Против компании, которая, по-твоему, помогла убить твоего брата.

— Да.

— И потом четыре месяца ничего не делал.

Готового ответа у него не было.

— Это означает одно из двух, — сказала она.

— Что?

— Либо деньги были тебе нужнее справедливости.

Он посмотрел на неё.

— Либо?

— Либо где-то по пути ты уже понял, что история больше, чем Hale.

Во рту у него пересохло.

— Одно из другого не следует.

— Следует.

— Нет.

— Ты боялся не того.

— А теперь?

— А теперь я пытаюсь найти то, чего стоит бояться.

Они смотрели друг на друга, и тут на столе между ними заорал его телефон.

Звонил Нейтан.

Мара дотянулась первой, и Дэниел поймал её за запястье.

— Что ты делаешь?

— Пока не отвечай.

— У него может быть информация.

— Он и сам может быть информацией.

Он разжал пальцы. Она один раз потёрла запястье — не то, за которое он держал, а другое, машинально, — и он это заметил и отложил туда, куда собирался вернуться позже.

— Нейтан в этом не участвует.

— Ты этого не знаешь.

— Я знаю его восемнадцать лет.

— Меня ты знал дольше.

— Это не одно и то же.

— Нет?

Телефон вибрировал, потом перестал. Пришло сообщение.

«Позвони. Сейчас».

Он потянулся за ним, и она перехватила его руку.

— На громкую.

Он помедлил с телефоном в руке.

— Зачем?

— Потому что если он солжёт, я хочу услышать как.

Он набрал номер, и Нейтан взял трубку на первом гудке.

— Где тебя черти носили?

— Думал.

— Я велел тебе не думать.

Мара не засмеялась.

— Слушай внимательно, — сказал Нейтан. — Кое-что изменилось.

— Что?

— Ордер.

У него свело живот.

— Что с ним?

— Он сдвинулся.

— Куда?

— Раньше.

— Когда?

— Мне говорят, в шесть тридцать.

Он посмотрел на часы у себя за спиной. 1:59. Меньше пяти часов.

— Ты уверен?

— Нет.

— Нейтан.

— Я уверен, что кто-то хочет, чтобы я поверил в шесть тридцать.

Взгляд Мары изменился, и Дэниел это увидел.

— Кто?

— Не могу сказать.

— Тогда это бесполезно.

— Нет. Бесполезно — это проснуться от агентов у двери.

Он двинулся к окну, и Мара резко качнула головой. Он остановился на середине шага.

— У тебя всё ещё есть то, что есть? — спросил Нейтан.

Дэниел ничего не ответил.

— Дэниел.

— Ты велел мне ничего не перемещать.

— Это было раньше.

— Раньше чего?

Линия молчала дольше, чем следовало. Мара наклонилась к телефону.

— Раньше, чем кто-то сдвинул сроки?

Нейтан замолчал совсем.

Дэниел повернулся и посмотрел на неё, и две секунды в комнате и на линии не было ни звука.

Потом Нейтан всё-таки заговорил.

— Кто это?

Мара улыбнулась без всякого тепла.

— Женщина с отличным чувством времени.

— Мара?

Дэниел изучал её. Она смотрела на него ровно. Нейтан узнал её голос, чего Дэниел не ожидал, а по её лицу было ясно, что она — ожидала.

— Дэниел, какого чёрта она у тебя делает?

У Дэниела всё похолодело внутри.

— Откуда ты знаешь Мару?

Пауза затянулась слишком надолго.

— Ты про неё говорил.

— Нет. — Голос у него изменился. — Не говорил.

— Много лет назад.

— Нет.

Мара не двигалась вообще. Он смотрел, как она это делает, и она не выглядела удивлённой.

— Дэниел, сейчас не тот разговор, который тебе нужен.

Он не сводил с неё глаз всё это время.

— Откуда ты её знаешь?

— Поставь меня на громкую, — выдохнул Нейтан.

— Ты на громкой.

Тишина держалась несколько секунд.

— Господи.

— Здравствуй, Нейтан, — сказала Мара, и голос у неё был спокойный. Слишком.

— Здравствуй, Мара.

Дэниел переводил взгляд с телефона на неё и обратно, будто одно могло объяснить другое.

— Вы знакомы.

Ни один не ответил.

— Вы знакомы.

— Да, — сказала Мара.

— Как?

Нейтан перебил её.

— Дэниел, к твоему дому уже направляются люди. Они будут там ещё до рассвета. Какие бы отношения ни связывали меня с Марой, сейчас это неважно.

Мара улыбнулась.

— Опять это слово.

Дэниел не обратил внимания.

— Когда вы познакомились?

— Много лет назад.

— Сколько?

— Дэниел…

— Сколько?

Ответила за него Мара.

— Шесть.

Он повернулся к ней, и его разум отказался принять число целиком.

Глава 7

— Шесть лет, — сказал он. — С тех пор как…

Внизу тихо щёлкнуло: кухонная дверь, с замком которой Мара сегодня уже один раз справилась.

Она забрала у него телефон и сбросила звонок, прежде чем Нейтан успел ещё раз назвать его по имени. Сигнализация была выключена с тех пор, как он впустил её около полуночи, и ни один из них не подумал включить её снова.

Она поднялась на ноги раньше него. Он вышел за ней из кабинета на площадку. Внизу шаги пересекли кухонную плитку и вышли в прихожую.

Шаги остановились у подножия лестницы, и Дэниел понял: страх расставляет всё по местам быстрее, чем любые нравственные рассуждения.

Никакого Hale. Никакого Майкла. Никакого аудита. Внизу был человек, а через коридор — комната Тесс.

Тесс в ней не было. Телу было всё равно. На секунду он увидел эту комнату с детской версией дочери внутри: рюкзак на полу, слишком громкие наушники, стакан воды, поставленный там, где его гарантированно опрокинут, — и почувствовал совершенно иррациональную потребность защищать пустую спальню.

Мара подняла палец. *Стой.*

Ему не понравилось, что им командуют на его собственной лестничной площадке. Потом скрипнула половица у лестницы, и страх из злости превратился в арифметику: девять футов до двери кабинета, которая запирается; никакого пригодного оружия на этаже; окно выходит на крышу крыльца. У Мары был опыт. У Дэниела — только мнения. Совсем не равноценный капитал.

Она резко посмотрела на него. *Что?* — беззвучно.

Он покачал головой.

Шаги двинулись снова, и он понял, что думает о деньгах. Не в первую очередь. Но они были там, шли фоном, и у них были свои вопросы. Если они доберутся до сейфа, он даст им код? Очевидно. Расскажет про остальные документы? Рискнёт ли Марой ради наличных?

Очевидно нет, и ответы приходили настолько чисто, что он понял: опасность просто сделала иерархию видимой. Чего он не мог себе объяснить — почему ему понадобилось четыре месяца, чтобы понять, что деньги значат меньше, когда рядом с ними стоит живой человек.

Потом мысль хуже: *а если им нужна Мара?*

Она наклонилась так близко, что он почувствовал её дыхание.

— Если поднимутся — ты в кабинет.

Он нахмурился в темноте.

— А ты?

— Я останусь снаружи.

— Нет.

— Это моя работа.

— Нет.

— Дэниел.

Он слышал в этом споре все их отношения — Мара компетентна, Дэниел сопротивляется, потому что её компетентность грозит сделать его ненужным, — и не мог отделить защиту от самолюбия достаточно быстро, чтобы понять, кто из них говорит. В этом и была трудность кризиса. Мотивы не ждали анализа.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — шепнул он.

Она помедлила, и вопрос что-то изменил в её лице.

— Кабинет. Запри дверь. Если я скажу «беги» — в окно.

Он кивнул. План ему не нравился, и он ему последовал, и разница показалась достаточно важной, чтобы её заметить. Мара вошла следом и прикрыла дверь, оставив щель.

Потом три секунды не было ничего. Четыре. Пять. Тело отреагировало раньше разума, всё сжалось, будто тишина вошла в комнату сама.

Мара наклонилась к нему.

— Есть другой выход?

— Окно.

— На землю?

— Второй этаж.

— Пожарная лестница?

— Нет.

— Балкон?

— Нет.

— Хороший архитектор.

— Дом не проектировали под вторжения.

— Заметно.

Шаги возобновились. Шаг, пауза, ещё шаг. Тот, кто был внизу, не искал. Он знал, куда идёт.

Мара подтянула ближайший мешок к столу, и Дэниел поймал её за руку.

— Что ты делаешь?

— Даю им что-нибудь.

— Всё?

— Нет.

— Сколько?

— Достаточно.

— Ты не можешь…

Она приложила палец к его губам. Это была инструкция, и он замолчал.

Скрипнула третья ступенька. Он знал эту ступеньку. Тесс жаловалась на неё с четырнадцати лет, он раз двадцать обещал починить и не починил, и теперь прокрастинация оказалась полезной.

Мара открыла первый мешок и в темноте перекладывала пачки в два других, укладывая их плотнее, чем он когда-либо укладывал, работая на ощупь, быстро и методично.

— Сколько ты оставляешь? — шепнул он.

— Около сотни.

— Около?

— Проведёшь аудит ограбления позже.

Шаги были уже на середине лестницы. Он посмотрел на дверь кабинета. Закрыта. Не заперта.

Она остановилась, когда в первом мешке остался тонкий слой пачек, и задвинула его наполовину под стол — видно тому, кто посмотрит, неочевидно тому, кто не станет. Он понял замысел сразу. Взломщик, который уже знает, что деньги здесь, найдёт мешок, увидит настоящие купюры и получит основание думать, что остальное перевезли.

В двух других теперь лежало почти всё.

— Шкаф?

Он показал, она понесла их туда и остановилась.

— Нет.

— Что?

— Слишком просто.

— А тебе что нужно, бункер?

Она огляделась. В кабинете почти ничего не было: стол, два кресла, книжный шкаф, тумба, настенный сейф, маленький диван. Она посмотрела на диван и сказала «нет». Потом на шкаф и сказала «нет». В итоге она всё-таки задвинула оба мешка в глубину шкафа, за коробку со старыми налоговыми бумагами, и закрыла дверцу.

— Просто — это всё, на что у нас есть время.

Шаги дошли до площадки. Он уже слышал дыхание, возможно, собственное.

Она присела у сейфа.

— Открой.

— Что?

— Открой.

Он ввёл код на ощупь, и замок щёлкнул. Она оставила дверцу открытой, а полки пустыми, и он понял раньше, чем она сказала.

— Они решат, что опоздали.

— Именно.

— А мешок под столом?

— Может, заберут.

— Зачем вообще им что-то давать?

— Потому что взломщики с пустыми руками продолжают искать.

Скрипнул пол в коридоре, уже близко. Она наклонилась к нему.

— У тебя есть пистолет?

— Нет.

Она уставилась на него.

— Что?

— Ты американец.

— И что?

— Я так и думала, что ты меня разочаруешь.

— А у тебя есть?

— Не здесь.

— Тогда зачем спрашивать?

— Чтобы знать, не найдёт ли его первым тот, кто поднимается.

Ручка двери медленно пошла вниз. Он перестал дышать. Дверь приоткрылась на три дюйма, и Мара утянула его за стол, и он присел рядом.

Дверь открылась шире. Узкий луч прошёл по полу — фонарик, — потом появились чёрные ботинки, и выше колена он не видел ничего. Тёмные брюки. Никакой формы.

Мужчина вошёл. Вторые шаги остались в коридоре.

Значит, их было двое.

Мара тронула его запястье. Один палец. *Стой.*

Первый пошёл к сейфу. Прямо, без колебаний, и в животе у Дэниела стало холодно, потому что это означало, что они знают.

Луч нашёл открытый сейф, и человек остановился. Потом подошёл ближе, наклонился, осмотрел голые полки.

— Пусто, — сказал он. Мужской голос, обычный, слегка раздражённый.

В комнату вошёл второй.

— Проверь комнату.

Дэниел посмотрел на Мару. У неё в руке уже был маленький металлический нож для бумаг — декоративная вещь, купленная в Цюрихе, совершенно бесполезная, и остриё у неё теперь выглядело заметно острее, чем все одиннадцать лет до этого. Он наклонился к ней, и она качнула головой. *Нет.*

Луч прошёл по столу, по стене, по книжному шкафу, по дивану. Потом остановился на фотографии Майкла.

Он держался там дольше, чем свет должен где-либо держаться, и пульс у Дэниела пошёл вверх. Человек взял рамку, и Дэниел был уверен — не заподозрил, а был уверен, — что тот знает, что держит в руках. Он перевернул её, проверил заднюю стенку и поставил обратно.

Не туда, где она стояла.

Мара тоже это увидела, и выражение её лица изменилось.

— Ничего, — шепнул второй.

— Он их перевёз.

Перевёз. Не украл, не забрал. Перевёз. Он почувствовал, как её пальцы сжали рукав.

— Позвони ему.

— Нет.

— У нас нет времени.

— Он сказал: изнутри не звонить.

Ему. Кто-то ими руководил и был достаточно близко к ситуации, чтобы устанавливать правила про телефоны.

Первый двинулся к столу, и мешок был меньше чем в двух футах от его ботинок. Луч пошёл вниз, остановился, человек присел, вытащил мешок и открыл его.

Несколько секунд оттуда не доносилось ничего.

— Есть сколько-то.

— Сколько?

— Мало.

— Забирай, — выдохнул второй.

— А остальное?

— Он скажет.

Живот у Дэниела сжался. *Кто?*

Мара шевельнулась рядом, и рука её пошла от ножа к телефону, и он поймал её за запястье прежде, чем она подняла его, потому что экран засветится. Она поняла и убрала.

— Проверь спальню, — первый выпрямился.

Второй пошёл к двери, и Мара наклонилась к уху Дэниела.

— Если они выйдут из этой комнаты, нам конец.

Он едва двинул губами.

— Почему?

— Тесс.

Внутри стало холодно. Спальня дочери. Старые ящики, шкаф, фотографии, документы — денег там нет, но достаточно личного, чтобы дать любому желающему точку, с которой начать.

Первый повернулся к коридору.

Мара встала. Дэниел попытался схватить её, но не успел: она уже вышла из-за стола.

— Что-то ищете?

Оба развернулись. Луч ударил ей в лицо. Первый уронил мешок и полез под куртку, и она не шевельнулась вообще.

— Не надо.

Он остановился, потому что она его узнала. Дэниел увидел, как это произошло. Это длилось меньше секунды и было безошибочным.

— Мара? — сказал первый.

Дэниел медленно поднялся. Лицо Мары стало непроницаемым.

— Ты его знаешь, — сказал он.

Никто не ответил. Фонарик перешёл на него, и тот, кто стоял ближе к двери, поднял руку.

— Стойте где стоите.

— Кто он?

Мара не сводила глаз с первого.

— Я его не знаю.

— У тебя это всегда плохо получалось, — засмеялся первый.

Злость пришла и перекатилась прямо через страх.

— Кто вы такой, чёрт возьми?

Первый откинул капюшон куртки. Лет пятидесяти, коротко стриженные седые волосы, тяжёлое лицо и бледный шрам от левого виска до края брови. Дэниел его не узнал.

Мара видела его раньше.

Человек посмотрел на её перевязанную руку.

— Всё ещё лазаешь через заборы, как в двадцать пять?

— Видимо.

Дэниел переводил взгляд с одного на другую.

— Кто он?

— Спроси её, — сказал человек.

Челюсть у неё напряглась.

— Пол.

Дэниел посмотрел на неё, потом на него, и что-то сдвинулось и почти не дошло — а потом дошло, через счета, лежащие на полу, и переговорную четырнадцатилетней давности.

Это был Пол Мерсер, и во рту у Дэниела мгновенно пересохло.

— Вы Мерсер.

— Значит, помните.

Комната будто слегка накренилась. Пол Мерсер был директором по рискам в Hale. Пол Мерсер исчез из публичной отчётности после смерти Майкла. Пол Мерсер был человеком, о котором Мара этой же ночью сказала, что не знает его.

Он повернулся к ней.

— Ты сказала, что не знаешь его.

— Я сказала, что узнала имя.

Мерсер улыбнулся.

— Формально верно. Вы двое действительно созданы друг для друга.

Она пропустила это мимо ушей.

— Что вы здесь делаете?

Он взглянул на мешок с деньгами на полу.

— Вы знаете.

— Нет.

— Тогда это будет разочарованием.

Глава 8

По потолку кабинета скользнул свет фар. Мерсер подошёл к окну, бросил взгляд наружу и изменился в лице.

— Это не мои.

— А чьи? — спросил Дэниел.

— Тех, кто пришёл не за деньгами.

Мерсер повернулся к Маре.

— Им нужен список, и они думают, что он у него. Где остальное?

Мара секунду смотрела на Дэниела. Потом подошла к шкафу и вытащила оба тяжёлых мешка из-за коробки с налоговыми бумагами.

Мерсер поднял один из двух тяжёлых брезентовых мешков, Мара взяла второй, и Дэниел вцепился Мерсеру в отворот пальто.

— Что вы делаете?

— Выигрываю нам время.

— Моими деньгами?

Мерсер остановился и посмотрел на него.

— *Вашими* деньгами?

Эти слова задели его сильнее, чем следовало. *Моими.* Четыре месяца он тщательно подбирал слова — и всё рассыпалось из-за одного притяжательного местоимения, стоило увидеть, как другой человек несёт деньги к двери. Дэниел отпустил пальто так, будто обжёгся о ткань.

Потом внизу разбилось стекло, и что-то в рамке упало на пол.

— Двигайтесь, — прошипела Мара.

Второй — Мерсер его не представил, а Дэниел не спросил — вытащил из-под куртки компактный пистолет. Дэниел уставился на него. Мара — нет.

— Уберите.

Тот посмотрел на Мерсера, и Мерсер кивнул.

— Не стрелять, если есть альтернатива.

Дэниел засмеялся один раз, без всякого веселья.

— Утешительно.

Мара подтолкнула его к задней спальне.

— Ты говорил, там окно.

— Второй этаж.

— Что под ним?

— Крыша террасы.

— Высоко?

— Футов восемь.

— Хорошо.

— Она наклонная.

— Менее хорошо.

Мерсер пошёл за ними с одним мешком, второй Мара держала у ноги. Вооружённый остался в коридоре.

— А он? — спросил Дэниел.

— Он их задержит.

— Мне тоже было приятно познакомиться, — слабо улыбнулся тот.

Дэниел остановился.

— Вы его бросаете?

Улыбка исчезла.

— Он знает, что делает.

Мара потянула сильнее.

— Сейчас же.

Снизу донёсся мужской голос, поставленный так, чтобы его услышали, и совершенно разумный:

— Мистер Рурк, нам не нужно делать это сложным.

— Они всегда так говорят, — шепнул Мерсер.

Задняя спальня была комнатой Тесс, пока та не уехала в колледж, и Дэниел превратил половину в кладовую, так и не убрав до конца остальное. На кровати всё ещё лежало выцветшее синее покрывало. На полке стояла маленькая серебряная лошадь. Рядом с окном были три крошечные дырки от постеров, которые он так и не заделал, потому что заделать их означало бы принять решение.

Мара открыла окно, и внутрь пошёл холодный дождь. Она посмотрела вниз на крышу террасы, на блестящую под ней чёрную черепицу.

— Ты первый, — сказала она.

— Нет.

— Что?

— Ты первая.

— Сейчас не время.

— Я не знаю, что снаружи.

— Я тоже.

— Вот именно.

— Дэниел.

Мерсер шагнул и встал между ними.

— Пойду я.

Он поставил мешок у окна и опустился на подоконник, и Мара поймала его за руку.

— Стой. Движение, — сказала она, снова выглянув в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.